

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (30), 2020

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2020

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (30), 2020

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich, Candidate of Philological Sciences, Dean of the Second English Department

Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich, Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Russian Language and Teaching Methods

Popov Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences, Associate Professor

Sheremetyeva Anna Gennadevna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (30), 2020

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
"Иностранные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук,
декан второго английского факультета

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания»

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Atazhakhova S.T.
NATIVE LANGUAGE AND CULTURAL VALUES IN MODERN CONDITIONS 8

Volkov A.I.
ADEQUACY APPROACH IN THE SYSTEM OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION..... 12

Khasanova F.M.
LEXICAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF THE LANGUAGE
BAIHUA WITHIN THE CLASSICAL CHINESE LANGUAGE –
WENYAN (ON THE EXAMPLE OF NOVELS "WOLF" PU SONGLING) 14

Literary Studies

Medzhitova E.S.
HISTORIOGRAPHY OF THE CRIMEAN WAR OF 1853-1856..... 20

Literature of Peoples of the Russian Federation

Guseynov R.M.
AKHTYNSKY FORTRESS – THE BONE
OF CONTENTION BETWEEN SLAVOPHILES AND SLAVOPHOBES..... 24

Literary Theory. Textology

Karimova D.K.
DIACHRONIC PECULIARITIES OF THE TROPE
'WHITE' IN ENGLISH POETRY (XVI-XIX CENTURIES)..... 27

Linguistics

Bobokalonov R.R., Hayatova N.I., Bobokalonov P.R.
NEUROLINGUISTIC PROBLEMS: PROPERTIES
OF NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION AND EXPRESSION 33

Vorontsova I.I.
METAPHORICS OF PROFESSIONAL LANGUAGE
IN THE GENRE OF MARKETING COMMUNICATIONS 39

Cheredinova O.V., Krasnova O.A., Roman'kova M.N., Tokareva L.V.
LINGUISTIC INTERFERENCE PHENOMENON AND USAGE
OF SYNTACTIC TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING SCIENTIFIC TEXTS 43

Latin Languages

<i>Aliyeva V.F.</i> THE MAIN DIRECTION OF RESEARCH IN MODERN PHRASEOLOGY	49
<i>Sviridova E.I.</i> FEATURES OF WORD-FORMING MEANS OF DISPLAYING EXTERNAL AND INTERNAL CONFLICT IN H. BAZIN'S TRILOGY "THE REZEAU FAMILY"	56

Linguistic Theory

<i>Peshkova A.B.</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF RUSSIAN AND ENGLISH INTERJECTIONS	60
---	----

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

<i>Radchuk O.A., Aubakirova V.K.</i> LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPTS OF THE WORDS "SPACE" AND "ПРОСТРАНСТВО" IN ENGLISH AND RUSSIAN	64
--	----

Applied and Computational Linguistics

<i>Khokhlova A.A.</i> RUSSIAN POETRY AS A SOURCE FOR STUDYING SPEECH COMMUNICATION	69
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Атажахова С.Т.
РОДНОЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 8

Волков А.И.
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 12

Хасанова Ф.М.
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
БАЙХУА В РАМКАХ КЛАССИЧЕСКОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА –
ВЭНЬЯНЬ (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ «ВОЛК» ПУ СУНЛИНА) 14

Литературоведение

Меджитова Э.С.
ИСТОРИОГРАФИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 гг. 20

Литература народов Российской Федерации

Гусейнов Р.М.
АХТЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ – ЯБЛОКО РАЗДОРА
МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И СЛАВЯНОФОБАМИ 24

Теория литературы. Текстология

Каримова Д.К.
ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРОПА
'WHITE' В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (XVI-XIX ВЕКА) 27

Языкознание

Бобокалонов Р.Р., Хаятова Н.И., Бобокалонов П.Р.
НЕВРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: СВОЙСТВА
НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ И ВЫРАЖЕНИЯ 33

Воронцова И.И.
МЕТАФОРИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА
В ЖАНРЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ 39

Черединова О.В., Краснова О.А., Романькова М.Н., Токарева Л.В.
ФЕНОМЕН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ 43

Романские языки

Алиева В.Ф.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 49

Свиридова Е.И.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОТОБРАЖЕНИЯ
ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА В ТРИЛОГИИ Э. БАЗЕНА «СЕМЬЯ РЕЗО»..... 56

Теория языка

Пешкова А.Б.

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ 60

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Радчук О.А., Аубакирова В.К.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ СЛОВ «SPACE»
И «ПРОСТРАНСТВО» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 64

Прикладная и математическая лингвистика

Хохлова А.А.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 69

УДК 811.352.3

РОДНОЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С.Т. Атажахова, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языка
Адыгейский республиканский институт гуманитарных
исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп), Россия

***Аннотация.** Проблема сохранения и функционирования родного языка на сегодняшний день считается одной из самых главных и волнующих вопросов. Опасность состоит в том, что процесс угасания языка не всегда осознается его носителями, а начинают замечать, когда становится уже поздно. Язык любого народа выступает средством, с помощью которого передается национальное самосознание от поколения к поколению, также он является основанием сплоченности и единства народа.*

***Ключевые слова:** родной язык, культурные традиции, фактор идентификации, языковая ситуация.*

Каждый народ на планете прекрасен и уникален. Он обладает собственной суммой культурных кодов и является частью общей нашей истории.

Язык каждого народа выступает в качестве хранителя и транслятора культурной традиции, объединяет поколения и народы в коммуникативном пространстве, является показателем идентичности личности. Мыслители всех времен и народов отмечали, что язык – не единственный фактор идентификации, все же он играет составляющую роль в принадлежности отдельного индивидуума к социуму. Без языка нет совместного базиса для коммуникации внутри общества. Человек нуждается в языке, чтобы включиться в общество и общаться с другими. Более того, очевидно, что, не услышав речь человека и не изучив ее, трудно понять, что человек из себя представляет. Язык целого народа, как неисчерпаемый источник, существует, как цельный организм, которым пользуется любой представитель этого народа вне зависимости от его социального положения.

Однако ситуация, сложившаяся в сфере адыгейского языка на современном этапе, такова, что, несмотря на то, что язык изучается в школе и вузе, он остается предметом преподавания, таким же, как пение, рисование, труд и др. Подтверждением этого является то, что язык не востребован в официальной, деловой, научной, юридической и других сферах. Таким образом, перспектива исчезновения языка становится все более реальной. На сегодняшний день функция адыгейского языка в основном ограничивается использованием его в качестве разговорного языка, который обслуживает хозяйственно-бытовую сферу. Каждый язык, независимо от того, принадлежит ли он большому или малому коллективу, является частью общечеловеческой цивилизации. А также является продуктом длительного процесса исторического развития и обладает непревзойденной, только ему присущей, грамматической структурой и словарем.

Нельзя не согласиться с высказыванием Чирикба В.А. о том, что «исчезновение языка очень часто знаменует собой в то же время и смерть определенного сообщества, конечно, смерть не физическую, но смерть культуры, смерть определенной языковой цивилизации, что не менее трагично» [3, с. 2]. Справедливо отмечает Шаваев И.Х., что, не сохранив и не укрепив позиции родного языка, то «через несколько десятилетий не будет малых народов с их обычаями и традициями, а останется единый российский народ с единым русским языком, с единой русской культурой. Это будет трагедией не только для малых народов, но и для всего человеческого общества, ибо человечество теряет огромный пласт духовной культуры» [4, с. 177]. Такую же мысль высказывает ученый лингвист Гишев Н.Т. «...единение языков превращает многоцветие жизни в один цвет, многозвучие – в один звук, ...» [1, с. 78]. Стремление к единению языков и культур означает потерю человечеством их разнообразия.

И это может происходить порой, казалось бы, в вполне благоприятной для сохранения языка среде. Язык народа – это огромная книга, хранящая тайны его истории, его контактов с другими народами.

Анализируя то, что происходит у нас в республике, можно предположить, что в определенных случаях язык проходит точку невозврата, когда уже становится почти невозможным мотивировать людей использовать этот язык и передавать его следующему поколению. Суть этого явления в том, что это напрямую не зависит от числа людей, говорящих на этом языке: оно может быть вполне значительным, но ситуация, тем не менее, может быть достаточно критичной. Так, например, поколение 70-80-х все еще свободно может говорить, писать, читать на родном языке, но их дети не имеют такой возможности, так как этот язык уже, за редкими исключениями, не передается. Дети не знают историю происхождения своих фамилий, не помнят свои родословные.

Важнейшая функция языка заключается в том, что он – носитель духовности, традиций и обычаев родного народа. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера и этнической общности народа в целом.

Естественно, если носителей языка миллионы, то можно особо не переживать за судьбу этого языка. Но следует также отметить, что, порой даже в случае значительных языковых коллективов, абсолютных гарантий беспроблемного развития нет. Язык любого народа, в том числе и малочисленного, в принципе способен получить дальнейшее развитие и функционально стать в один ряд с любым из больших национальных литературных языков. Выход любого языка на позиции государственного – вопрос политики, он не связан с чисто лингвистическими качествами языка [2, с. 519].

Современное молодое поколение ориентировано на иные ценности. Они активно участвуют в формировании новой языковой ситуации, при этом теряя свое исконное, самобытное. А на смену приходят элементы культуры зарубежных стран.

В настоящее время в адыгейском языке мы наблюдаем, что поражены все уровни языка: нарушены речевые и стилистические нормы, теряются семантические связи, неверно используются фразеологические обороты, речь изобилует сленгом, словами-паразитами, заимствованиями, более того, наблюдаются даже фонетические искажения.

На сегодняшний день, на наш взгляд, сохранить родной язык могут помочь современные технологии. В частности, создание детского телеканала республиканского уровня, который будет выходить, хотя бы три раза в неделю под рубрикой «Почемучка», «Всезнайка», интеллектуальные игры на адыгейском языке «Что? Где? Когда?», показ мультипликационных фильмов и спектаклей на адыгейском языке и т. д., будет способствовать восстановлению имиджа родного языка, особенно среди подрастающего поколения.

Следует отметить, что за последние три года в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева проводятся занятия со студентами-соотечественниками, которые прибывают из различных зарубежных стран (Турции, Америки и др.), с целью обмена знаний по адыгским языкам. Занятия организуются в рамках мероприятий, проводимых обществом с ограниченной ответственностью «Интурист-Адыгея».

Студенты знакомятся с историей создания адыгейского алфавита; обсуждаются проблемы, касающиеся знания родного языка коренными жителями РА, уровня владения адыгейской речью и т.д.

Ежегодно проводятся международные научно-практические конференции, на которых поднимаются актуальные вопросы: сохранение и развитие адыгейского языка, падение интереса к родному языку и этнокультуре в адыгейских семьях, ассимиляция, нехватка квалифицированных специалистов и абитуриентов на отделениях национального факультета в АГУ. С целью повышения престижа учителя адыгейского языка и литературы, выявления и поддержки творческих учителей, направленных на сохранение и развитие адыгейского языка в 2020 году, впервые был проведен республиканский (заочный) педагогический конкурс «Лучший видеоурок адыгейского языка, родной (адыгейской) литературы».

В настоящее время благодаря усилиям ученых в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева реализован ряд проектов: перевод отечественных и зарубежных мультипликационных фильмов на адыгейский язык – «Фиксики», курс ускоренного изучения адыгейского языка для дошкольного возраста – «Мой язык – мой мир», это издание книг – «Веселая азбука», «Адыгейские народные сказки: для детей и родителей», также, включающий семь тысяч слов адыгейского языка – «русско-адыгейский разговорник» и другие.

С самого раннего возраста ребенок должен быть окружен стихией родного языка, так как язык представляет собой лучшее средство развития логического мышления, восприятия, эффективного глубокого усвоения знаний. Ребенок, овладевший языком своей матери, впоследствии легко выучит любой другой язык.

В заключение хочется отметить, что нам не следует забывать национальный язык, обычаи и законы, которые даны нам природой, их следует оберегать, совершенствовать. «Если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть», эти строки стихотворения Расула Гамзатова известны каждому, а проблема сохранения материнского языка стоит все острее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишев, Н.Т. Сближение языков и культур народов России – надежный путь к согласию и миру. Мысли нараспашку / Н.Т. Гишев. – Майкоп, 2014. – 503 с.
2. Керашева, З.И. Избранные труды и статьи в двух томах. Том I / З.И. Керашева. – Майкоп, 1995. – 552 с.
3. Чирикба, В.А. Языки малых народов и нации и угроза их существованию. Развитие абхазского языка в условиях полиэтничного общества: вызовы и перспективы / В.А. Чирикба. – Сухум, 2012. – 62 с.
4. Шаваев, И.Х. Вопросы функционирования родного языка в современных условиях. Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность / И.Х. Шаваев. – Карачаевск, 1998. – 308 с.

Материал поступил в редакцию 22.10.20

NATIVE LANGUAGE AND CULTURAL VALUES IN MODERN CONDITIONS

S.T. Atazhakhova, Candidate of Philological Sciences,
Leading Research Officer of the Language Department
Adyghe Republican Institute for Humanitarian
Studies named after T.M. Kerashev (Maykop), Russia

***Abstract.** The problem of preserving and functioning of the native language is currently considered one of the most important and exciting issues. The danger is that the process of language extinction is not always recognized by its native speakers, and they begin to notice when it becomes too late. The language of any nation acts as a means by which national identity is transmitted from generation to generation, and it is also the basis of unity and unity of the people.*

***Keywords:** native language, cultural traditions, the factor of identification, the language situation.*

УДК 80

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.И. Волков, старший преподаватель

Московский педагогический государственный университет (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются компетентностный подход в системе изучения иностранных языков, его этапы становления, а также понятия компетентность и компетенция, их схожесть и различия.*

***Ключевые слова:** компетентностный подход, компетенция, компетентность, иноязычная коммуникация.*

В настоящее время актуальной является проблема преподавания иностранного языка в общеобразовательной школе. Известно, что целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя как языковую, так и социокультурную компетенцию.

Система образования в России кардинально меняется. Такие качества личности, как мобильность, целеустремленность, решительность, ответственность, способность усваивать и применять знания в незнакомых ситуациях, способность выстраивать успешную коммуникацию с другими людьми становятся востребованными.

Выделяют 3 этапа становления компетентностного подхода в образовании:

– первый этап (1960-1970 гг.) – в научный аппарат введена категория «компетенция», созданы предпосылки разграничения таких понятий, как компетенция и компетентность.

– второй этап (1970-1990 гг.) – в теории и практике обучения иностранному языку используются такие категории, как компетенция и компетентность, формируется профессионализм в управлении, в обучении общению. В этот период ученые исследуют компетенции, выделяя от 3 до 37 их видов.

– третий этап (1990 г.) развитие компетентностного подхода, значим тем, что в документах, материалах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования (Зеер, Павлова, Сыманюк 2005: 65).

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов (Байдено 2004: 176).

С позиций компетентностного подхода формирование ключевых компетентностей у учащихся становится основным результатом образовательной деятельности. Термин «компетенция» (в переводе с латинского – соответствие, соразмерность) имеет два значения: круг полномочий какого-либо учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом (Ожегов 1936: 93). В одной из педагогических дискуссий по вопросам компетентностного подхода было предложено следующее определение: компетентность – это способность действовать в ситуации неопределённости (Болотов, Сериков 2003: 43).

Уроки иностранного языка – благодатная почва для формирования всех ключевых компетенций, а не только предметно-коммуникативных. При этом учебный материал необходимо организовать таким образом, чтобы каждый ученик имел возможность выбора при выполнении заданий.

В состав ключевых компетенций должны войти универсальные компетенции, овладение которыми необходимо учащемуся для дальнейшего обучения, собственного развития,

жизненной самореализации, независимо от уровня его обучения, развития и профессии, которую он выберет. Список компетенций воспроизводит некий перечень основных видов деятельности человека. Одной из центральных проблем для обновления содержания образования является проблема отбора универсальных компетентностей.

Обучение иностранному языку в школе преследует основную цель: развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся на уроках иностранного языка, то есть овладение иностранным языком как средством общения. Коммуникативная компетенция в современной методике определяется как «способность соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учётом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразностью высказывания» (Гез 1985: 37). Она относится к предметным компетенциям, т. е. компетенциям, формирующимся в рамках учебных предметов.

М. Канале и М. Свейн в структурном отношении выделили 4 компонента коммуникативной компетенции: грамматическую, социолингвистическую, сужденческую и стратегическую, приравнивая грамматическую и сужденческую компетенции к использованию языка. Грамматическая компетенция включает знания о структуре языка. Сужденческая компетенция заключается в способности удачно связывать предложения для коммуникативных и риторических целей, образуя связанный рассказ, тогда как последние два компонента коммуникативной компетенции описывают употребление языка. Социолингвистическая компетенция заключается в способности использовать язык соответственно данной ситуации, а стратегическая компетенция относится к способности использовать предложения, перефразировки и подстановки, чтобы преодолеть недостаток знания языка и понимания (Canale, Swain 1980: 113).

Развитие иноязычной социокультурной компетенции играет особую роль в современном мире, где нередко обостряются межнациональные отношения, где большое значение имеют патристическое и интернациональное воспитание. Иноязычная социокультурная компетенция предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном многокультурном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафурова, Т.Н. Лингводидактические основы обучения стратегии речевого поведения в межкультурной коммуникации. / Т.Н. Астафурова, Материалы XI научной конференции проф.-препод. состава. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, – 1994. – С. 337-342.
2. Халева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. / И.И. Халева. – М.: Высшая школа, – 1989. – 237 с.
3. Douglas B. H. Communicative competence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 102 p.
4. Oxford R. L. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. – Boston: Heinle and Heinle Publishers, 1990. – 181 p.

Материал поступил в редакцию 01.11.20

ADEQUACY APPROACH IN THE SYSTEM OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

A.I. Volkov, Senior Lecturer
Moscow State Pedagogical University (Moscow), Russia

Abstract. *The article discusses the competence approach in the system of learning foreign languages, its stages of formation, as well as the concepts of adequacy and competence, their similarities and differences.*

Keywords: *competence approach, competence, adequacy, foreign language communication.*

УДК 80

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА БАЙХУА В РАМКАХ КЛАССИЧЕСКОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА – ВЭНЬЯНЬ (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ «ВОЛК» ПУ СУНЛИНА)

Ф.М. Хасанова, старший преподаватель кафедры китайского языка и литературы
Ташкентский государственный университет востоковедения, Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье мы пытались охарактеризовать особенности классического литературного китайского языка вэньянь. Также проанализировали существующие различия между вэньянь и байхуа. Отмечены грамматические и лексико-семантические особенности классического китайского языка и вэньянь, а также их взаимовлияние. Лаконичные изречения на вэньяне, тексты классических произведений китайской литературы содержат примерно вдвое меньше иероглифов, чем тот же текст на байхуа. В вэньяне преобладают односложные слова (записываемые одним иероглифом), в то время как в байхуа преобладают двусложные (записываемые двумя иероглифами); в текстах на вэньяне транспозиция частое явление, когда многие слова-иероглифы в разных ситуациях могут быть разными частями речи; используется опора на контекст, позволяющая, в частности, избежать лишних прономинализаций (употребления местоимений), частое неупотребление подлежащих вообще; отсутствие аффиксации.*

***Ключевые слова:** вэньянь, байхуа, Пу Сунглинг, Волк, полисемия, метонимия.*

Китайский язык имеет более чем трехтысячелетнюю историю. В ней выделяют обычно три периода – древнекитайский, среднекитайский и современный. Уже в древнекитайский период, примерно во II в. до н.э., различают стандарты письменного литературного и устного китайского языка. Эти стандарты стали основой становления классического литературного китайского языка, за которым закрепилось название – вэньянь. Классический вэньянь стал главной причиной отделения письменного и устного языков. Поскольку устный китайский язык со временем начал претерпевать определенные изменения.

Письменный язык изменялся сравнительно медленно, вплоть до XX в. в Китае в административных органах употреблялся классический письменный язык – вэньянь. В истории живого, устного языка древнекитайский период кончается, скорее всего, около VI в. н.э. (по сведениям исследователей древнекитайского языка, период древнего устного разговорного языка заканчивается VI в. н.э., то есть эта древняя разговорная речь не включавшая служебные слова и местоимения, которые употреблялись только в письменной речи). Это связано с тем что, во-первых, в VI-VII вв. появляется ряд служебных слов и местоимений, характерных для среднекитайского и современного китайского языка. Во-вторых, в VII в. впервые становится ясным разрыв между литературным и разговорным языком и писатели сознательно стремятся подражать языку памятников, написанных на несколько столетий раньше [9].

Вэньянь – литературный древнекитайский язык, который сложился на основе живых диалектов, существовавших в 1-й половине 1-го тысячелетия до н.э. Существовал только в письменной форме. Уже в 1-м тысячелетии н.э. разошелся с языком устного общения и стал непонятным на слух. Классический китайский отличается лаконичностью – текст на вэньяне содержит примерно вдвое меньше иероглифов, чем тот же текст на современном китайском языке [9].

Вэньянь считается языком трудным для усвоения, и труден он именно потому, что оставался мертвым на протяжении нескольких веков. Но точно так же, как средневековая латынь восходит к живому разговорному языку древних римлян, так и вэньянь возник

на основе живого древнекитайского языка. Современные исследования свидетельствуют, что в древнем Китае язык литературы не отличался сколько-нибудь значительно от разговорного. Полагают, что изречения Конфуция, зафиксированные в трактате “论语” были вполне понятны на слух. Первые признаки наметившегося разрыва между письменным и разговорным языком начинают проследиваться во II-III вв. Разговорный язык продолжал развиваться, его лексика и грамматика претерпевали определенные изменения, когда как письменный язык оказался законсервированным [8].

Что же такое байхуа и какое место оно занимает в истории развития китайского языка?! Как утверждает китайский ученый 徐时仪 Xú Shíyí, байхуа возник на основе устной речи в период 秦汉 Qín Hàn (III век до н.э. – III век н.э.) [10]. Начиная с эпохи Сун (960-1279) параллельно существовали два литературных языка: вэньянь и байхуа. Вэньянь был языком философской прозы (古文) и новелл (传奇). Кроме этого, вэньянь использовался в сфере науки и техники, политики, администрации, на вэньяне написаны династийные истории, медицинская, даосская и буддийская литература. Байхуа в свою очередь служил языком живого общения между людьми, а также языком городской повести (话本), рассказа (短篇小说), драмы (据本) и романа (小说) [5].

Точнее, с эпохи Сун (960-1279), когда разговорный язык – байхуа – становится письменным и в дальнейшем существует в литературе параллельно вэньяню, и вплоть до начала XX в., когда байхуа одержал победу над вэньянем и стал единственным литературным языком. Правда, это коснулось в первую очередь художественной литературы, когда как во многих сферах официальной коммуникации влияние вэньяня продолжало сохраняться и в последующее время [4].

Вэньянь активно использовался в качестве литературного языка вплоть до начала XX в. и являлся главным средством письменного общекитайского общения, так как служил связующим звеном между различными китайскими диалектами. Это подобно ситуации с латинским языком в средневековой Европе – везде его знали, почти одинаково на нём писали, но говорили на различных языках. Как латынь на Западе, вэньянь был языком культуры на Дальнем Востоке. Национальные модификации этого языка известны в Японии, Корее, Вьетнаме, где он также функционировал как язык канонических книг, изящной словесности. Человек, владеющий вэньянем, мог читать произведения, написанные на нём, в любой из этих стран.

В самом Китае вплоть до начала XX в. существовал разрыв между разговорным и письменным языком. Вэньянь – китайская латынь – был мертвым языком и почти не изменялся на протяжении столетий. Поэтому одним из основных направлений демократического движения, охватившего Китай во втором десятилетии XX в. и получившего название «литературной революции», была борьба за приближение литературного языка к живой разговорной норме, за ликвидацию монополии вэньянь в сфере литературы [8].

Для более подробного анализа различий языка байхуа и вэньяня мы выбрали классическую новеллу «Волк» – написанную романистом эпохи Цин Пу Сунлингом. В новелле автор изображает образ жадного, жестокого, коварного волка, а также восхваляет храбрость и смелость мясника. В данной новелле Пу Сунглинг описал хитрость волков, и как мясник справился с волками, убив их.

Воспитанный на лучших образцах национальной словесности, Пу Сунлин часто использовал старинные изречения, которые привлекали его своей лаконичностью, остротой и меткостью выражения. В новеллах Пу Сунлина можно наблюдать использование аллюзий и цитат из «Книги песен» (I тис. до н.э.), из летописи древнего царства Лу (VII-V вв. до н.э.), из притчей Чжуанцзы и Мэнцзы, из «Исторических записок» Сыма Цяня. Обращение Пу Сунлина к классическим образцам китайской литературы свидетельствует не только о диапазоне его литературных познаний и эрудиции, но и о стремлении писателя углубить и расширить образные описания. Так, например, поэтический образ буйно разлившихся вод, покрытых лепестками персика (новелла «Бо Цюлянь любила стихи»), заимствован из стихотворения Хан Юя «Персика воды в третью луну по весне» [1].

По законам жанра XVII столетия новеллу можно было писать исключительно литературным языком. По смыслу, эти произведения должны были рассказывать о добродетелях, долге, рассматривать серьёзные философские проблемы. «Высокий» язык существовал для «высоких» тем. Пу Сунлин же обратился к повседневной действительности. Он изобразил человеческие взаимоотношения, современное ему социально-экономическое и политическое состояние в стране, вместили это в фантастическую фабулу. В то же время проблемы, которые он поднимает в своих новеллах, касаются вечных ценностей, как-то: верность, любовь, честь, обязанность, справедливость. И от того, что Пу Сунлин создал не философский трактат на взъёме, а понятные всем – образованным людям и неграмотным – забавные сюжеты на взъёме, их действенность только возросла. В результате вышли произведения чисто литературной формы и живой повествовательной манеры [7].

Два волка преследовали мясника, который возвращался с работы. По пути домой мясник сталкивается с двумя волками, в надежде избавиться от двух хищников, мясник бросал на дорогу кости, дабы два волка начали грызть кости, а он тем временем добежит до дома. Но, волки тоже хитрые существа, волки не поддаются уловкам мясника. По пути к дому мясника, на пшеничном поле была собрана стопка дров. Один из волков, притворился, лёг напротив мясника, что тот не смог сделать ни шагу. Тогда мясник убивает одного волка, ударив ножом в голову волка. Этим временем, второй волк, который спрятался за стопку дров, прорыл в стопке дыру, и хотел напасть на мясника с тыльной стороны. Но мясник, когда убил одного волка, пошел искать второго, а обнаруживает второго волка на полтуловища пролезавшим в стопке дров. Мясник убивает и второго волка.

Для начала сопоставим два текста новеллы: текст оригинала на вэньяне и текст интерпретированный на байхуа.

<p>一屠¹晚归，担中肉尽，止²有剩骨。 途中两狼，缀行甚远³。</p> <p>屠惧，投以骨⁴。一狼得骨止，一狼仍从⁵。复投之，后狼止而前狼又至。骨已尽矣，而两狼之并驱如故。</p> <p>屠大窘，恐前后受其敌。顾野有麦场，场主积薪其中，苫蔽成丘。屠乃奔倚其下，弛担持刀。狼不敢前，眈眈相向。^[5]</p> <p>少时，一狼径去，其一犬坐于前。久之，目似瞑，意暇甚。屠暴起，以刀劈狼首，又数刀毙之。方欲行，转视积薪后，一狼洞其中，意将隧入以攻其后也。身已半入，止露尻尾。屠自后断其股，亦毙之。乃悟前狼假寐，盖以诱敌。</p> <p>狼亦黠矣，而顷刻两毙，禽兽之变诈几何哉？止增笑耳。</p>	<p>白话文释义：一个屠户在晚上回家，担子里的肉卖完了，只有剩下的骨头。屠户在路上遇到了两只狼，紧随着他走了很远。屠户害怕，把骨头投给狼。一只狼得到骨头停止了，另一只狼仍然跟从他。屠户又把骨头投给它，后面得到骨头的狼停住了脚步，但是之前得到骨头的狼又跟上了。骨头已经没有了，但是两只狼像原来一样一起追赶。</p> <p>屠户的处境很危急，担心前后受到狼的攻击。屠户看见田野中有个麦场，场主在里面堆柴，覆盖成小山似的。屠户于是奔向麦场，倚靠在柴草堆下，卸下担子拿着刀。狼不敢上前，瞪眼朝着屠户。一会儿，一只狼径直走开，其中一只狼像狗一样蹲坐在前面。过了一会儿，狼的眼睛好像闭上了，神情悠闲得很。</p> <p>屠户突然起身，用刀劈砍狼的头，又劈砍几刀杀死了狼。屠户正想要走，转身看柴草堆后面，一只狼在其中打洞，意图想要钻洞进入柴草堆来攻击屠户的后面。狼的身体已经钻进入一半了，只露出屁股和尾巴。屠户从后面砍断狼的大腿，也杀死了这只狼。屠户才明白之前的狼假装睡觉，原来是用来诱惑敌人。狼也是狡猾的动物，但是一会儿两只狼都被杀死了，禽兽的欺骗手段能有多少啊？只给人增加笑料罢了。</p>
---	--

Новеллу «Волк» можно условно разделить на пять частей. Первая часть вводная, в этой части описывается место и время столкновения мясника с волками. Вторая часть изображает мясника, попавшего в панику. Третья часть описывает как мясник нашел в себе мужество и напал на волка. Ну а в четвертой части говорится о храбрости мясника и как он один справляется с двумя волками. В пятой, заключительной части автор делает акцент на храбрость и смелость, если человек обладает смелостью и храбростью, то никакая угроза не страшна.

Далее рассмотрим лексико-семантический анализ лексических единиц в вэньяне и на байхуа, что очень необходимо при переводе оригинала текста:

1. 屠 tú – забивать скот; здесь используется в значении 屠户 túhù – мясник;
2. 止 zhǐ – в значении 仅 jǐn, 只 zhǐ – только, всего лишь;
3. 缀 zhuì – в значении «привязаться» – 连接 – связаться, 紧跟 – следовать вплотную за кем, чем;
4. 投以骨 tóu yǐ gǔ в значении 把骨头投给狼 – бросать кость волку (以 – 把);
5. 从 cōng – 跟从 – gēncóng – следовать за...; идти с...
6. 受 shòu – принимать, подвергаться; 其 qí – местоимени третьего лица, ед.чис.; 敌 shù qí – враг; здесь используется в значении 遭受它的攻击 zāoshòu tā de gōngjí – подвергаться его нападкам .
7. 顾 gù – в значении 看 смотреть, 视 – видеть;
8. 苫 shàn – shàn – крыть крышу (соломой, камышом)
9. 积薪 jī xīn – здесь в значении 堆积柴草 duījī cháicǎo – сложить дрова или хворост
10. 弛 chí – забывать; выбрасывать из головы, не брать во внимание . здесь используется в качестве – 解除 jiěchú или 卸下 -, xiè xià – изымать (что-л.); лишать (чего-л.); искоренять
11. 少时 shǎoshí 一会儿 через некоторое время.
12. 久之 jiǔzhī – 时间长了 – долгое время
13. 瞑 míng – 闭上眼睛 – закрыть глаза
14. 暴 bào – в значении 突然 – вдруг; внезапно
15. 假寐 mèi в значении 寐, 睡觉 – спать, дремать
16. 盖 gài – 表示推测, 大概, 原来是 выражает предположение или догадку;
17. 黠 xiá – 狡猾 jiǎohuá – хитрый; коварный, лукавый.

Исходя из анализа вэньянизмов, можем сказать, что большое количество этих слов односложные, иногда они переводятся как словосочетание, их пояснения на байхуа уже более понятны, что и объясняет лаконичность вэньяня.

窘 jiǒng быть в затруднении – 处境困迫, 为难 chǔjìng kùn pò, wéinán – проблемная ситуация;

眈 dān алчно взирать; бросать алчные взоры – здесь используется в качестве 瞪眼朝着屠户。眈眈 dāndān, 注视的样子 – пристально смотреть на мясника

Далее рассмотрим разницу слов в древнем и современном значениях:

Глагол 去 – древнее значение глагола – 离开 покинуть; покидать. В современном китайском языке употребляется в значении идти куда-то.

几何 jǐhé изначально употреблялся в значении 多少 – сколько? Ныне это слово употребляется как 几何学的简称 название науки «геометрия».

Слово 耳 ěr в классическом китайском языке использовался как модальная частица в конце предложения и выражал значение и только; только и всего; и не больше; и всё. Ныне это слово используется как существительное, и означает «ухо».

Иероглиф 薪 xīn изначально означал слово 柴草 cháicǎo дрова или хворост, ныне это слово используется как 工资 – жалование.

Семантическая категория многозначности возникает и складывается в связи с изменением и развитием смысловой структуры лексических единиц. На основе изначального, исконного значения лексической единицы рождаются и с течением времени закрепляются в языке новые, производные значения. „Многозначность слова (詞的多义性 *ci de duovixing*) — это результат эволюции его значения". В китайском языке многозначность в большей степени характерна для однослогов. Тем не менее среди сложных слов все же немало многозначных лексических, единиц [2].

Слово 止: в качестве глагола употребляется в значении наречия “只”, например, 止有剩骨 *Zhǐ yǒu shèng gǔ* – только остались кости. Еще одно значение «остановиться» например, 一狼得骨止 *láng dé gǔ zhǐ* один волк остановился.

Слово 意 *yì* имеет несколько значений:

1. в значении 神情、态度 – выражение лица, вид, манера; поведение, образ действий.

Пример: 意暇甚 *Yì xiá shén* – казаться весьма спокойным

2. в значении 意图 *yìtú* замысел, план, расчёт, намерение, стремление. Пример 意将隧入以攻其后也 *Yì jiāng suì rù yǐ gōng qí hòu yě* – планировать затаиться, чтобы атаковать позже.

3. в значении 情趣 *qíngqù* – склонность, заинтересованность; интерес. Пример – 醉翁之意不在酒 *zuìwēng zhī yì bù zài jiǔ* – поговорка: преследовать тайные (совсем иные) цели.

Исходя из вышеизложенного, можем сделать следующие выводы:

Во-первых, текст оригинала на вэньяне состоит из 253 иероглифов. Текст интерпретированный на байхуа из 461 иероглифа. Что наглядно показывает лаконичность и краткость языка вэньянь.

Во-вторых, самое важное различие вэньяня от байхуа заключается в односложности большинства его лексических единиц, в то время как в байхуа большинство слов записываются двумя иероглифами (полисиллабизмами), знание семантических значений которых передает общий смысл их сочетания. Стоит отметить, что значения лексических единиц в вэньяне обладает большой широтой значений. «Набор значений, как правило, связывается в одно «сверхзначение», и лишь в сравнительно редких случаях удобнее признать, что данный иероглиф действительно имеет более одного значения» [6].

В-третьих, в китайском языке спектр полисемии более обширный. Многозначное слово (多义词 *duoyici*) это слово, обладающее несколькими лексическими значениями. Эти значения являются дериватами основного значения и сохраняют между собой определенные семантические отношения. Таким образом, лексическую многозначность (полисемию) можно определить как наличие у одного и того же слова нескольких связанных по смыслу лексических значений, как способность слова обозначать несколько предметов мысли. Полисемия, частое явление в вэньяне. И порой очень трудно уловить смысл перевода. Для более четкого перевода текста на вэньяне необходимо работать со словарем 古代汉语词典, в котором приводятся все значения слов с примерами и занимающей позицией в предложении.

В-четвертых, Метонимия, то есть использование слова заместителя основного слова также часто использовано в тексте на вэньяне.

Язык байхуа главным образом отличается от вэньяня более гибким (если можно так выразиться) описанием содержания. В вэньяне в основном использованы односложные слова (моносиллабизмы) и не используется редупликация. Не используются счетные слова, напрямую слова существительные употреблены как счетные слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В.М. Из предисловия переводчика к сборнику «Рассказы о людях необычайных». Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / В.М. Алексеев. – М.: Худож. Лит., 1989.
2. Горелов, В.И. лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – Москва «Просвещение», 1984.
3. Зиямухамедов, Ж.Т. Пу Сунглинг ва ўрта аср хитой новеллалари / Ж.Т. Зиямухамедов. – Тошкент, 2016 йил.
4. Зограф И.Т. Вэньянь и байхуа / И.Т. Зограф. – Москва, 2008.
5. Зограф, И.Т. Официальный вэньянь / И.Т. Зограф. – Москва, Наука, 1990.
6. Карапьянц, А.М. Классический китайский язык вэньянь / А.М. Карапьянц, Тан Аошунг. – Москва, 2001.
7. Кошелева, И.В. Поэтика, стилистика и особенности перевода сборника Пу Сунлина «Рассказы ляо чжэя о необычайном» / И.В. Кошелева. – Харьков, 2007.
8. Крюков, М.В. Древнекитайский язык / М.В. Крюков, Хуанг-Шуин. – Москва, 1978.
9. Яхонтов, С.Е. Древнекитайский язык / С.Е. Яхонтов. – Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965.
10. Xu Shiyi (徐时仪). Hanyu baihuashi. (Chinese vernacular history) / Xu Shiyi. – Peking University Press. Publ., 2015. – 21 p.
11. 吴铜运. 初中文言文. 2016年. 国家一级出版社.
12. 古代汉语词典: 缩印本/商务印书馆辞书研究中心修订.-2版.-北京: 商务印书馆, 2014年.

Материал поступил в редакцию 23.10.20

LEXICAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF THE LANGUAGE BAIHUA WITHIN THE CLASSICAL CHINESE LANGUAGE – WENYAN (ON THE EXAMPLE OF NOVELS "WOLF" PU SONGLING)

F.M. Khasanova, Lecturer at the Department of Chinese Language and Literature
Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan

Abstract. *This article describes the features of the classical literary Chinese language Wenyang. The existing differences between Wenyang and Baihua are also analyzed. Grammatical and lexical-semantic features of classical Chinese and Wenyang, as well as their mutual influence, are noted. Concise sayings in wenyang, texts of classical works of Chinese literature contain about half as many characters as the same text in Baihua., Monosyllabic words (written in one character) predominate in wenyang, while in Baihua, two-syllable words (written in two characters) predominate. In wenyang texts, transposition is a frequent phenomenon, when many words-hieroglyphs in different situations can be different parts of speech; context is used, in particular, to avoid unnecessary pronominalizations (use of pronouns), frequent non-use of subjects in General; lack of affixation.*

Keywords: *Wenyang, Baihua, Pu Songling, Wolf, polysemy, metonymy.*

УДК 930.85

ИСТОРИОГРАФИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 гг.

Э.С. Меджитова, магистрант направления филология,
специальности актуальные проблемы современной русистики,
Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова (Симферополь), Россия

***Аннотация.** В предлагаемой статье делается попытка обобщить опыт осмысления исторической наукой событий Крымской (Восточной) войны, ее причин и итогов. Автор отмечает различия в позиции славянофилов и западников относительно начала войны. В работе также прослеживается обусловленность литературоведческих интерпретаций «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого конъюнктурой исторических штудий советского времени. Подчеркивается, что в постсоветских учебниках по истории России сосредоточивается внимание на позитивных итогах Крымской войны.*

***Ключевые слова:** Крымская (Восточная) война, оборона Севастополя, Толстой, славянофилы, западники.*

Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг. сегодня вызывает разночтения в оценках историков. По-разному трактуются причины, побудившие Россию стать участницей военного конфликта, диаметрально противоположно оцениваются и итоги военных действий. Современные исследователи прямо говорят об интерпретации истории Крымской войны как инструменте манипулирования исторической памятью народа [7].

Такое многообразие оценок исторических событий 1853-1856 гг. не может не оказаться в поле зрения литературоведения. Героическая оборона Севастополя, запечатленная во множестве художественных произведений и, в частности, в цикле «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого, осмыслялась художниками слова середины XIX века концептуально различно. Взвешенный разговор об особенностях индивидуально-авторских писательских оценок происходившего невозможен без учета опыта характеристики военных действий историками. В предлагаемой статье делается попытка отследить динамику исторических оценок военного катаклизма 1853-1856 годов.

Необходимо заметить, что в историографии Крымской войны существует три точки зрения на ее причины. Одни историки связывают начало войны с агрессивным настроем западных держав в дискуссиях о насущном «Восточном вопросе». Согласно этой позиции, ряд европейских государств стремились уничтожить целостность Османской империи и полностью подорвать авторитет России. Другие ученые придерживаются противоположного мнения, видя агрессора, напротив, в России, претендующей на черноморские проливы и территории некоторых стран. Третьи же не возлагают ответственности за начало военных действий ни на одну из держав, а распределяют ее на всех участников конфликта [5, с. 31].

Официальная версия причины войны была обнаружена в России сразу после начала военных действий. Суть сводилась к славянской миссии России, которой «издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений диких турок более 14

миллионов христианского населения Турции» [6, с. 12]. Согласно декларативным лозунгам российского правительства, цель войны заключалась в том, «чтобы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским» [9]. Из этого следует, что применение силы со стороны России было связано с отстаиванием преимуществ Православной церкви, далее – положений русско-турецких трактатов и защитой Православной веры.

Кровавый урок, который был преподнесен Крымской войной, был тяжелым. Он показал, что в стране отсутствуют железные дороги, необходимые для регулярного снабжения армии, которая плохо обучена и имеет устаревшее вооружение. Подавляющее большинство русских вооруженных сил, разбросанных от Дуная до Северной Финляндии, не сделало в продолжение всей войны ни одного выстрела, другая, меньшая часть, плохо вооруженная и оборудованная, погибала в севастопольских бастионах в борьбе с сильным врагом.

Профессор Московского университета М.П. Погодин называл Крымскую войну «крестовым походом» славян с Россией во главе против Запада. Еще в 1851 г. он считал, что столкновение с Западом произойдет неминуемо и Россия должна одержать победу: «Россия отделится тогда от Европы целой стеной союзных с нею государств славянских и могла бы делать у себя дома, что угодно, пользуясь силами всего союза» [8, с. 24].

Публицистические сочинения 1850-х гг. свидетельствуют о различиях в позиции славянофилов и западников относительно начала войны: славянофилы мечтали о том, что все славянское сообщество на Балканах примет православие и произойдет объединение всех славянских народов под эгидой русского царя. Поэтому славянофилы положительно восприняли новость о начале кампании. Традиционная патриотическая установка «За Веру, Царя и Отечество!» приобрела конкретно-исторические черты. Однако, углубляясь в анализ быстро развивающихся событий, славянофилы пришли к выводу, что Россия не готова была начинать военные действия.

Представители западничества в свою очередь имели противоположный взгляд на Крымскую кампанию. Особых выгод от победы русских войск в Крыму они не видели. С.М. Соловьев и его единомышленники полагали, что исключительно ценой жертвы Россия может одолеть кризис, извлекая уроки из Крымской войны [7, с. 29].

Радикально-критическая оценка Крымской войны перешла в социал-демократическую и советскую историографию. По В.И. Ленину, «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [Ленин, с. 173]. При такой трактовке схватка России с союзом самых могущественных государств за свое национальное существование расценивается как необдуманый шаг, который может быть подвергнут положительному рассмотрению только в качестве исторически необходимого «введения» к назревшему этапу реформ самодержавного строя.

В шеститомной «Истории КПСС» Крымская война рассматривалась как «мощный толчок, чтобы нараставшие из десятилетий в десятилетия противоречия выявились в политическом процессе, чреватом революцией. <...> Иллюзия всемогущества абсолютизма была подорвана» [3, с. 234].

Очевидно, героика советской армии в годы Великой Отечественной войны не могла не вызвать определенной переоценки событий почти столетней давности. И.В. Бестужев-Лада в середине 1950-х гг. отмечал изменения, произошедшие в советской историографии: «...теперь Крымская война ясно рисуется не только как серьезное поражение царизма, но и как незабываемый подвиг народа России в борьбе против иноземных захватчиков» [Бестужев, с. 7]. В 1953 году в СССР проходит ряд торжественных мероприятий по случаю юбилея событий в Крыму. В 1950-е годы начинает расти и собственно литературоведческий интерес к «Севастопольским рассказам» Л.Н. Толстого, к которым до этого момента, при достаточно активной популяризации Толстого в СССР в целом, советские исследователи обращались сравнительно редко.

В 1960-х гг. в работах отечественных историков вырисовывается амбивалентный характер войны: «определяя войну как захватническую с обеих сторон, нельзя забывать, что, когда войска коалиции вторглись в Крым, создалась угроза целостности русского государства и развернувшаяся борьба против иноземного нашествия объективно стала иметь прогрессивное значение» [10, с. 312].

В постсоветских учебниках по истории России акцентируется внимание на позитивных итогах Крымской войны. Например, в учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной резюмируется: «Главным итогом войны было то, что Россия в целом устояла под ударами объединившихся против нее крупнейших государств Европы. Несмотря на серьезное военное поражение, она вышла из войны с минимальным уроном... Война показала необходимость радикальных перемен во всех сторонах жизни российского общества» [Данилов, с. 163].

В. Краличек называет данную войну одной из самых бесполезных и кровавых войн в истории человечества. Ее результат был настолько дискуссионным, что, вероятно, невозможно определить, кто является победителем, а кто проигравшим [Парамонов, с. 55]. Показательно, однако, что по оценке историка-востоковеда М.И. Якушева, Крымская война была проиграна в «военно-политическом отношении», но в духовном отношении «Россия не проиграла Крымскую войну, потому что цели, поставленные перед нею, были выполнены» [Парамонов, с. 55].

Таким образом, существовавшая в XIX веке полярность оценок событий Крымской кампании не исчезает и сегодня. Однако уже в 1950-е годы историки все чаще стали усматривать для России в этих событиях глубинный духовный смысл. Славянофильский посыл о том, что подвиг севастопольцев задаст планку нравственного роста всем россиянам, не потерял актуальности и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Лада, И.В. Крымская война 1853–1856 гг. / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 174 с.
2. Данилов, А.А. История России. XIX век: учеб. для основной школы / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – М.: ЦГО, 1998. – 426 с.
3. История КПСС: в 6 т. Т. 1: Создание большевистской партии. 1883–1903 гг. М.: Изд-во полит. литературы, 1964. – 634 с.
4. Ленин, В.И. Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч. Изд. 5-е / В.И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 20. С. 171–180.
5. Медведева, О.Э. Причины Крымской (Восточной) войны в современной отечественной историографии / О.Э. Медведева // Наука, образование и культура. – 2018. – № 10 (34) – С. 31–33.
6. Павленко, О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / О.В. Павленко // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 18 (140) – С. 9–37.
7. Парамонов, В.Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью / В.Н. Парамонов // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 6 – С. 26–37.
8. Погодин, М.П. Письмо о Польше 1851 г. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867 / М.П. Погодин. – М., 1867. – С. 40.
9. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII, отд. I, № 27 344.
10. Строков, А.А. История военного искусства / А.А. Строков. – М.: Воениздат, 1965. – 692 с.

Материал поступил в редакцию 19.10.20

HISTORIOGRAPHY OF THE CRIMEAN WAR OF 1853-1856

E.S. Medzhitova, Master's Degree Student in Philology,
of Specialty of Actual Problems of Modern Russian Studies
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (Simferopol), Russia

Abstract. *This article attempts to generalize the experience of historical science understanding the events of the Crimean (Eastern) war, its causes and results. The author notes differences in the position of Slavophiles and Westerners regarding the beginning of the war. The paper also traces the conditionality of literary interpretations of L.N. Tolstoy's "Sevastopol stories" by the conjuncture of historical studies of the Soviet period. It is emphasized that post-Soviet textbooks on Russian history focus on the positive results of the Crimean war.*

Keywords: *The Crimean (Eastern) war, defense of Sevastopol, Tolstoy, Slavophiles, the Westerners.*

УДК 81

**АХТЫНСКАЯ КРЕПОСТЬ – ЯБЛОКО РАЗДОРА
МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И СЛАВЯНОФОБАМИ**

Р.М. Гусейнов, доктор химических наук, профессор кафедры химии
Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала), Россия

Аннотация. Данная статья посвящена ситуации, когда Ахтынская крепость являлась яблоком раздора между славянофилами и славянофобами.

Ключевые слова: славянофилы, славянофобы, Ахтынская крепость.

Описываемые в настоящей статье события относятся к периоду Кавказской войны, когда имело место противостояние между имамом Шамилем и Российским царём Николаем I. В 1848 году Ахтынская крепость подверглась нападению войска имама Шамиля.

Ахтынская крепость – русская крепость в Дагестане, в селе Ахты Ахтынского района, самая южная крепость на территории России. Памятник истории, архитектуры и фортификации федерального значения. Крепость была построена в 1839 году за рекордное время – сорок дней совместными силами гарнизона и наёмной силой местного населения. Крепость являлась форtpостом южных рубежей страны и служила опорой позиций русских войск, возглавляемых генералом Головиным.

В 1842 году, достигнув определённых успехов в Чечне, Шамиль явился в Дагестан и разослал в разные его общества воззвания с призывами к жителям включиться в освободительную борьбу. 21 июня 1842 года князь Аргутинский в секретном рапорте военному министру отмечал, что временное спокойствие в крае не означает, что Шамиль не вступит в Южный Дагестан.

Одним из звеньев в цепи плана Шамиля был знаменитый Самурский поход, предпринятый им для занятия Ахтынского укрепления. Стратегическая цель похода состояла в том, чтобы включить в состав имамата общества Самурской долины и Кубинскую провинцию.

Мысль о написании данной статьи пришла ко мне после того, как я случайно наткнулся в интернете на статью «Ахтынская крепость», напечатанную в лезгинском культурном журнале «АЛАМ» директором художественных программ РГВК «Дагестан» Гулерой Камиловой, которая была удостоена диплома 1 степени в номинации «Историческая тема» за документальный фильм «Ахтынская крепость». Гулера Камилова стала лауреатом престижного Международного фестиваля документального кино «Победили вместе», которая проходила в 2015 году в Севастополе.

Фильм снимали в самой крепости – памятнике истории, архитектуры и военной фортификации времён Кавказской войны, построенной ещё в 1838 году.

В этой же крепости после Великой Отечественной войны размещалась Ахтынская средняя школа с производственным обучением, в которой с 1962 по 1965 годы учился и автор этих строк, и которую он окончил с серебряной медалью.

По данным П.И. Ковалевского, в Ахтынской крепости во время похода Шамиля в Самурскую долину было около 500 человек, а численность войска Шамиля составляла более 15

тысяч, в том числе и Шамиль, и его главнейшие сподвижники Хаджи-Мурад, Даниель-бек, Шабан и мудир Аданов.

Хотя Кавказская война шла более 20 лет, Ахтынскую крепость никто не беспокоил, потому что лезгинский народ по своей природе был миролюбивым и питал симпатии к славянскому народу. Но вот 12 сентября 1848 года в Рутуле появляется Шамиль со своими мюридами. По его приказу наибы двинулись в Ахты с целью занять царское укрепление. В ту пору комендантом крепости был полковник Фёдор Рот. В июне 1848 года дочь коменданта Нина отправилась к отцу в Дагестан, где она бала тепло принята местной ахтынской интеллигенцией. Нина совершала экскурсии в ближайшие и дальние аулы, любовалась снежными вершинами Шалбуздага и Базар-Дюзи.

По прибытию Шамиля в Ахты и после его обращения к ахтынцам с призывом выступить против русского гарнизона началась осада крепости мюридами Шамиля. Что касается ахтынцев, то они были тогда разделены на две группы: одна действовала рядом с Шамлем, а другая, которая поддерживала русских, находилась вместе с солдатами гарнизона в крепости. Осада крепости длилась 8 дней - с 14 по 22 августа. Солдаты храбро и самоотверженно сражались. Несмотря на тяжёлую рану в шею, полковник Рот все время оставался на своём месте и командовал войсками через своих подчинённых. За оборону Ахтынской крепости полковник Ф. Рот был возведён в чин генерал-майора и награжден деньгами. И дочь Нина Рот осталась жива. Горцы Шамиля взорвали пороховой погреб. Войска генерала Аргутинского пришли на помощь немногочисленному гарнизону. Войска Шамиля потерпели тактическое поражение и отступили (третировали) в верховья Самурской долины, а далее в Аварию. Большую помощь в защите крепости оказал дагестанец по имени Алисултан, который был влюблён в дочь коменданта, прекрасную Нину Рот. Алисултан Курбанали достиг чина генерал-майора, погиб, участвуя в русско-турецкой войне 1877-1878 годов.

В 1859 году в крепости была открыта школа для детей солдат и местного населения. Русскому языку и другим премудростям маленьких лезгин обучал врач Лебедев.

Добрую память о себе в сердцах лезгинского народа оставил врач Ефимов Антон Никифорович, проработавший в Дагестане 25 лет (1895-1919). В романе лезгинского драматурга Кияса Меджидова «Сердце, оставленное в горах» рассказывается о жизни русского «лезгинского» врача Антона Ефимова, о его большой дружбе с горцами. Доктор Ефимов был назначен начальником санитарного управления Самурского округа. В его обязанности входило медицинское обслуживание гарнизона русской крепости, но он добровольно взвалил на свои плечи заботу о жизни и здоровье населения всех лезгинских аулов округа и тем самым заслужил искреннюю и горячую любовь горцев. Русский доктор Антон Ефимов, овладевший лезгинским языком, стал родным братом каждого ахтынца. Ахтынской районной больнице, в которой 25 лет работал доктор Ефимов А.Н., присвоено его имя.

Этот небольшой рассказ, на мой взгляд, является ярким свидетельством большой дружбы лезгинского народа с русским народом, о его симпатиях к славянскому народу. Благодаря этой любви к русскому народу многие лезгины учат своих детей с детского возраста русскому языку, поэтому многие лезгины и думают по-русски.

В заключение хочу обратить внимание интересующихся культурными ценностями лезгинского народа на то обстоятельство, что обладающее до сих пор монументальной красотой здание Ахтынской крепости требует человеческой заботы о ее сохранении и использовании в благородных целях для того, хотя бы, чтобы нам взрослым не было стыдно перед будущими поколениями лезгин за наше безразличное отношение к нашей отеческой истории.

Материал поступил в редакцию 17.11.20

**AKHTYNSKY FORTRESS – THE BONE OF CONTENTION
BETWEEN SLAVOPHILES AND SLAVOPHOBES**

R.M. Guseynov, Doctor of Chemical Sciences, Professor of the Department of Chemistry
Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala), Russia

***Abstract.** This article deals with a situation when Akhtynsky fortress was a bone of contention between the slavophiles and slavophobes.*

***Keywords:** slavophiles, slavophobes, Akhtynsky fortress.*

УДК 80-4

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРОПА 'WHITE' В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (XVI-XIX ВЕКА)

Д.К. Каримова, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена диахроническому исследованию образных значений лексемы white в английской поэзии. В ней описываются некоторые образные инварианты с лексемой, выявленные в текстах XVI-XIX веков. На основании сплошной выборки и количественного подсчета делаются выводы о диахронических тенденциях изменения продуктивности данных инвариантов.*

***Ключевые слова:** цветообозначение, образный инвариант, диахроническая устойчивость, продуктивность инварианта.*

Известно, что каждый поэтический образ существует не сам по себе, а реализует определенный инвариант и имеет прототип [6, с. 28]. Это в полной мере касается и цветовых образов: многократное метафорическое использование цветообозначения в поэтической речи приводит к концептуализации цвета и формированию цветового символизма. Многогранность английской поэтической цветовой образности, ее высокая смысловая нагрузка и необходимость обобщающего подхода к ее изучению отмечалась исследователями [3, с. 112-114]. Метафорическая концептуализация цвета нередко выходит за рамки поэзии, и оказывается важна для интерпретации окказиональных цветовых метафор и в художественной прозе [4, с. 108-114]. Образ, казавшийся непонятным и случайным, обретает смысл, когда становится известен его прототип, инвариант.

Этот образный инвариант, то есть устойчивое образное значение цветового термина, формируется благодаря его многократному употреблению в фольклоре и литературной поэзии, где он обретает устойчивые лексико-синтагматические связи. В отечественной лингвистике предпринимались отдельные попытки исследования устойчивой совместной встречаемости цветовой лексики со словами определенных семантических полей [1], однако специального изучения метафорических и метонимических поэтических значений цветовой лексики, насколько нам известно, не проводилось. Отмечалось, впрочем, что точная квалификация переносного значения таких слов часто затруднительна [3, с. 117]. Тем не менее, представляется возможным выделить случаи образного употребления цветового термина для характеристики абстрактного понятия, либо объекта, не вполне соответствующего данной цветовой характеристике в действительности.

Обилие таких случаев наблюдается в употреблении прилагательного white, одного из наиболее частотных цветообозначений в английской поэзии [5, с. 19]. Несмотря на индивидуально-стилистические различия, в целом, исследование методом сплошной выборки позволило отметить некоторое снижение интереса к белому цвету в текстах XVII-XVIII веков и его последующее значительное усиление в произведениях романтиков XIX века – Дж. Блейка, А. Теннисона, С. Кольриджа и Дж. Китса (таблица 1).

Так как исследование было нацелено на выявление диахронически константных и переменных образных значений *white*, в нем впоследствии рассматривались те словоупотребления, в которых лексема не обозначала цвет объекта, либо была связана отношениями синтаксического подчинения или однородности с тропом, обуславливающим в ней смысловое приращение (например, *white virgin snow*).

Как выяснилось, образные значения *white* в английской поэзии претерпевали диахронические изменения – они отражены в таблице 2. Среди них в поэзии английского Возрождения наиболее продуктивным было значение физической красоты и привлекательности, обнаруживаемое в словосочетаниях с инвариантом «белое тело» (или его часть – рука, нога, плечо, шея, лоб и т.д.). В текстах, содержащих описание лица, слово *white* (или ‘*bloodless white*’) также часто оказывалось связанным с лексикой, содержащей сему «страх» или «ярость». Эта устойчивая синтагматическая связь приводила к образованию в значении *white* метонимического компонента ‘*anger*’/‘*fear*’ – примеры такой связи находим в текстах У. Шекспира: <...> *still he lowers and frets;/ Twixt crimson shame and anger ashy-pale;/ Being red, she loves him best; and being white/ Her best is better'd with a more delight* [17, с. 1196]; *O! how her fear did make her colour rise:/ First red as roses that on lawn we lay,/ Then white as lawn, the roses took away* [17, с. 1209]; *Of grief and blushes, aptly understood/ In bloodless white and the encrimson'd mood;/ Effects of terror and dear modesty, / Encamp'd in hearts* [17, с. 1246]; *To blush at speeches rank, to weep at woes,/ Or to turn white and swound at tragic shows* [17, с. 1247].

Другая устойчивая лексико-синтагматическая связь в текстах Э. Спенсера и У. Шекспира – ‘*white*’ – ‘*innocent*’: *The white cold virgin snow* [17, с. 1153]; *goodly hue of white* [15, с. 591], *the goodlie crie/ Of white* [15, с. 477], *purely white they were* [15, с. 601], *white stole of chastity* [17, с. 1247]. Эта связь формирует значения «невинность», «чистота», «добродетель», которые имеет метафора ‘*white*’ у Шекспира, как в вариантах с эксплицитным, так и с имплицитным основанием сравнения. Инвариант ‘*white – virtuous*’ представлен как в атрибутивном словосочетании ‘*N’s white*’: *virtue’s white* [17, с. 1208], так и в субъектно-предикатной модели ‘*N is white*’: *So white, and such a traitor!* [17, с. 909].

Позже, у авторов XVII-XVIII веков, значения ‘*innocent*’, ‘*pure*’, ‘*virtuous*’, ‘*truthful*’ объединяются в общую продуктивную образную парадигму ‘*white – morally good*’, представляющую доминирующее образное значение данной лексемы в эту эпоху (таблица 1). Увеличивается число как семантических, так и синтагматических моделей реализации этого инварианта. В тавтологических словосочетаниях с атрибутивной моделью ‘*white N*’ субстантивный компонент может выражать не только значение невинности, как в *white innocence* [10, с. 193], *white-robed innocence* [16], *white robe/ Of innocent* [9], но и другие смысловые оттенки поля ‘*Moral goodness*’ – ‘*truth*’, ‘*sincerity*’, ‘*integrity*’: *mind’s white truth* [10, с. 250], *white-robed Truth* [15, с. 87], *Muse’s white sincerity* [10, с. 244], *in all but white integrity* [10, с. 129]. Значение чистоты и святости отчасти опосредовано традиционным белым цветом одежд священнослужителей и тканей на ритуальных действиях, что в некоторых контекстах эксплицируется в лексико-синтагматических связях словосочетаний с *white*: *The saintly veil of maiden white* [15, с. 4], *A virgin squadron of white confessors* [10, с. 263], *vested all in white, pure as her mind* [15, с. 97], *In such white robes, heaven’s angels used to be* [11, с. 304], *pure-eyed Faith, white-handed Hope,/ Thou hovering angel<...>/ And thou unblemished form of Chastity* [15, с. 62], *Faire laws white reverend name* [11, с. 406]. Обилие в XVII-XVIII веках тавтологических сочетаний и текстов, эксплицирующих указанное значение в окружающей лексике, закрепляет данное образное значение. Самостоятельно, без опоры на контекст, оно реализуется прежде всего в адъективном тропе – как в атрибутивной (например, *To see at all louse brandish the white staff* [13], *Embryos and idiots, eremites and friars/ White, black, and grey* [15, с. 196]), так и в предикативной функции (например, *For I would have thine image be/ White* [14], *The frequency of crimes has wash’d them white* [9]). Это же значение актуализируется и субстантивным тропом в объектной функции: *it dyes red souls to white* [10, с. 249], *souls have stain’d their first white* [10, с. 132], *Chameleons who can paint in white and black* [16]. Иными

словами, поэтическая концептуальная метафора 'white – moral goodness' в текстах XVII-XVIII веков является наиболее продуктивной.

«Белое» тело или его части, символизирующие молодость и красоту, в поэзии XVII-XVIII веков фигурируют реже, чем в эпоху Возрождения. Более частым в этот период становится упоминание «белых» (т.е. седых) волос, как атрибута почтенного возраста, но это значение актуализируется только в сочетаниях с head, hair, beard. Однако на фоне большого числа подобных сочетаний, позже, в поэзии XIX века 'white' становится полноценной метонимией со значением 'old': *To her father white/Came the maiden bright* [7, с. 196], *by age as winter-white* [20].

В целом, в XIX веке получают развитие и устойчивость, повторяясь у большего числа авторов, практически все образные значения 'white', характерные для предыдущих периодов. Значение «святой», «божественный», которое эта лексема имела в поэзии Э. Марвелла, неоднократно повторяется в текстах В. Вордсворта и У. Блейка: *white symbol of the Cross* [26, с. 831], *upon the altar white* [7, с. 210], *Figures human and divine/White as the snows of Apennine* [27, с. 429]. Значение «смертельный», замеченное в тексте современника Шекспира К. Марло, возрождается рядом поэтов-романтиков: *a deadly white* [12, с. 189], *The shadow of white death* [18, с. 202], *the white and yellow spasms of death* [18, с. 229], *the milk-white peacock like a ghost* [25, с. 276], *die/With happy smiles, which sunk in white tranquillity* [18, с. 145], и т.д. Кроме того, в эпоху романтизма появляется близкое к теме смерти значение «опустошенный»: *the dreary roads their bare white lines extend* [26, с. 119], *the drear desolate whiteness of his fields* [8, с. 138], *from the white Scythian wilderness* [18, с. 177].

Как и в предшествующую эпоху (в тексте Дж. Мильтона), у романтиков XIX века white встречается в непосредственной синтаксической связи с light или иными словами с семой «свет»: *white light of morning* [18, с. 40], *the brightness of white light* [18, с. 199], *a whiter sun* [23], *shone white-listed through the gloom* [24], что формирует метонимическое значение лексемы – «залитый светом»: *the white morn* [21]. Белый свет часто встречается у романтиков в описаниях природы, в частности, воды. В то же время, этих случаях лексема может иметь и значение «покрытая пеной», в котором данное прилагательное было встречено в поэзии У. Каупера. В эпоху романтизма оно соединяется с другим устойчивым значением – «чистый/прозрачный» – и образуется продуктивный комплекс образных значений white. Он встречается практически у всех рассмотренных авторов XIX века: *white sheets of water* [26, с. 562], *snow-white cataract* [25, с. 65], *snow-white torrent-fall* [27, с.840], *the whitened wave* [26, с.899], *the lake whitened* [24], *the white Ocean's flow* [18, с. 80]. Как было сказано, этот комплекс может включать и значение «свет», например: *Sea-ward, white gleaming* [8, с. 494], *stream that flashest white* [25, с. 605], *moon-led waters white* [25, с. 75], *the bay was white with silent light* [8, с. 205].

Вообще в большинстве случаев в эпоху романтизма у тропа white трудно выделить одно доминирующее значение – контекстуальные связи, как правило, позволяют актуализацию сразу нескольких сформировавшихся к этому времени образных инвариантов. Часто, например, встречается одновременная реализация значений «чистота», «красота» и «свет»: *So stainless that their white and glittering spires/ Tinge not the moon's pure beam* [18, с. 12], *Of thy trim Mansion destined soon to blaze /In snow-white splendour* [26, с. 433], *Dissolve that beauty, destined to endure, /White, radiant, spotless, exquisitely pure* [27, с.318]. Значение «старость» сочетается со значениями «свет» и «красота»: *whose white hair shone/Like mountain snow, mild, beautiful and blind* [18, с. 67] или «благоговение» и «моральная добродетель»: *Old master, reverence thine own beard /That looks as white as utter truth* [22]. Иными словами, семантический объем тропа 'white' в XIX веке возрастает.

Таким образом, поэтический троп 'white' многозначен. Диахронические особенности его функционирования, выявленные исследованием, касаются семантического объема и продуктивности значений тропа. Можно утверждать о диахронически детерминированной продуктивности значений красоты и физической привлекательности (эпоха Возрождения) и

моральной чистоты и добродетели (XVII-XVIII века). Образный инвариант 'white – moral goodness', существовавший еще в XVI веке, доминировавший в XVII-XVIII века и, несмотря на снижение частотности, не исчезнувший в XIX веке, представляет собой диахронически устойчивую поэтическую концептуальную метафору.

Кроме того, в английской поэзии заметна диахроническая тенденция к возрастанию объема значений тропа 'white', приводящая к конвергенции образных значений в одном словоупотреблении.

Полное описание диахронических тенденций образного использования данной лексики, однако, невозможно без привлечения текстов XX века. Кроме того, перспективным представляется диахроническое исследование семантики и продуктивности других английских поэтических цветовых образов.

Таблица 1

Частотность лексики white (на 10 000 слов)

XVI					XVII-XVIII					XIX						
Spenser	Sidney	Marlowe	Lodge	Shakespeare	Donne	Milton	Marvell	Pope	Cowper	Blake	Byron	Wordsworth	Tennyson	Keats	Coleridge	Shelley
2	3	3	7	8	4	1	5	5	1	8	4	4	7	10	7	5

Таблица 2

Образные значения лексики white (в процентах от общего числа словоупотреблений данной лексики у данного автора)

век	автор	attractive fair-skinned	full of light/ bright	foamy/pure (water)	divine/pious	morally good	beautiful	angry/terrified	despairing	aged	desolate	dead(ly)
XVI	Spenser	30	-	-	-	3.3	-	-	-	3.3	-	-
	Sidney	33.3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Marlowe	63.6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9.1
	Shakespeare	39.5	-	-	-	8.3	7.9	15.8	5.3	13.2	-	-
XVII-XVIII	Donne	11.2	-	-	5.6	66.7	-	5.6	-	5.6	-	-
	Milton	-	7.7	-	7.7	54.6	-	-	-	7.7	-	-
	Marvell	23.1	-	-	-	46.2	-	-	-	-	-	-
	Pope	-	-	-	-	38.5	-	-	-	3.8	-	-
	Cowper	9.1	-	9.1	7.7	36.1	9.1	-	-	9.1	-	-
XIX	Blake	4.8	4.7	-	18.9	52.4	-	-	-	9.5	-	-
	Byron	25	-	8.3	-	2.8	-	-	2.8	5.6	-	2.8
	Tennyson	14.9	2.6	5.3	1.8	10.5	-	3.5	-	0.9	1.8	4.4
	Keats	32.9	1.4	2.9	1.4	5.7	4.3	-	-	2.9	-	1.4
	Coleridge	17.5	12.5	7.5	2.5	5.0	-	-	-	7.5	2.5	5.0
	Wordsworth	3.6	4.8	10.9	6.0	13.3	4.8	-	-	3.6	2.4	1.2
	Shelley	9.7	8.1	9.7	3.2	4.8	1.6	6.5	-	11.3	1.6	11.3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, И.В. Лексико-синтагматические связи цветообозначений в английской и русской поэзии 19 века / И.В. Бондаренко. – М., 2005.
2. Донецких, Л.И. Цветовой образ мира в поэзии Александра Блока: черный / Л.И. Донецких, Ю.Н. Кудрявцева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2009
3. Иванова, Ю.В. Цветообозначения в структуре поэтического текста и подходы к их исследованию / Ю.В. Иванова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Режим доступа: Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetooboznacheniya-v-strukture-poeticheskogo-teksta-i-podhody-k-ih-issledovaniyu> (дата обращения: 20.10.2020)
4. Каримова, Д.К. Семантика прилагательного ‘white’ в романах О. Уайльда и Ф.С. Фитцджеральда и их переводах. Проблемы подготовки современного учителя иностранного языка. / Д.К. Каримова // Материалы научно-практической конференции. – М.: МГПИ. 2005.
5. Москович, В.А. Статистика и семантика / В.А. Москович. – М. «Наука», 1969.
6. Павлович, Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович. – М., 1995.
7. Blake, W. Selected Verse / W. Blake. – Moscow Progress Publishers, 1982.
8. Coleridge, S.T. The Works of Samuel Taylor Coleridge / S.T. Coleridge. – Wordsworth poetry Library, 1994.
9. Cowper “The Task” // Project Gutenberg.org. URL: <https://www.gutenberg.org/files/3698/3698-h/3698-h.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
10. Donne. The Works of John Donne.
11. Donne Songs and Sonets. Elegies. Satyres. – Спб., «Симпозиум», 2000.
12. Keats, J. The Complete Poems of John Keats / J. Keats. – Wordsworth Editions Ltd., 1994.
13. Marvell. Last Instructions to a Painter / Marvell. // Poet’s Corner. Available at: <https://www.theotherpages.org/poems/marvel04.html#:~:text=To%20end%20her%20picture%20does%20th e%20third%20time%20wait.&text=If%20ben%20too,or%20too%20hard%20for%20thee.> (дата обращения: 20.10.2020).
14. Marvell. “The Nymph Complaining for the Death of her Fawn” / Marvell. // Poetry Foundation. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/44687/the-nymph-complaining-for-the-death-of-her-fawn> (дата обращения: 20.10.2020).
15. Milton, J. The English Poems of John Milton / J. Milton. – Wordsworth Editions Ltd., 2004.
16. Pope, A. Epistles to Several Persons: Epistle II: To a Lady on the Characters of Women / A. Pope // Poetry Foundation. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/44893/epistles-to-several-persons-epistle-ii-to-a-lady-on-the-characters-of-women> (дата обращения: 20.10.2020)
17. Shakespeare, W. The Complete Works of William Shakespeare / W. Shakespeare. – Wordsworth Editions Ltd., 1994.
18. Shelley, P.B. The Complete Works of P.B. Shelley / P.B. Shelley. – Wordsworth Editions Ltd., 1994.
19. Spenser, E. The Works of Edmund Spenser / E. Spenser. – Wordsworth Editions Ltd., 1995.
20. Tennysson, A. Tiresias / A. Tennysson // www.telelib.com. Available at: <https://www.telelib.com/authors/T/TennyssonAlfred/verse/tiresias/tiresias.html> (дата обращения: 20.10.2020)
21. Tennysson, A. Balin and Balan / A. Tennysson // University of Rochester. The Camelot Project. Available at: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/tennysson-balin-and-balan> (дата обращения: 20.10.2020)
22. Tennysson, A. Gareth and Lynette / A. Tennysson // University of Rochester. The Camelot Project. Available at: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/tennysson-gareth-and-lynette> (дата обращения: 20.10.2020)
23. Tennysson, A. *In Memoriam 131: O Living Will That Shalt Endure* / A. Tennysson // www.americanliterature.com Available at: <https://americanliterature.com/author/alfred-lord-tennysson/poem/in-memoriam-131-o-living-will-that-shalt-endure> (дата обращения: 20.10.2020)
24. Tennysson, A. Merlin and Vivien. / A. Tennysson // University of Rochester. The Camelot Project. Available at: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/tennysson-merlin-and-vivien> (дата обращения: 20.10.2020)

25. Tennyson, A. The Collected Poems / A. Tennysson.
26. Wordsworth, W. Poems, Volume I / W. Wordsworth. – Penguin Books Ltd., 1977
27. Wordsworth, W. Poems, Volume II / W. Wordsworth. – Penguin Books Ltd., 1977.

Материал поступил в редакцию 26.10.20

DIACHRONIC PECULIARITIES OF THE TROPE 'WHITE' IN ENGLISH POETRY (XVI-XIX CENTURIES)

D.K. Karimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Moscow Region State University, Russia

***Abstract.** The article deals with diachronic variations of figurative use of the lexeme 'white' in English poetry. The paper contains the description of some semantic invariants of the figurative use of 'white' found in the texts of XVI-XIX centuries. Using continuous sampling technique and comparative quantitative analysis, the author makes conclusions about diachronic changes in the productivity of these invariants.*

***Keywords:** colour term, invariant figurative meaning, diachronic stability of the semantic invariant, paradigm efficiency.*

УДК 80

**НЕВРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: СВОЙСТВА
НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ И ВЫРАЖЕНИЯ****Р.Р. Бобокалонов¹, Н.И. Хаятова², П.Р. Бобокалонов³**¹ кандидат филологических наук, доцент, ^{2,3} преподаватель
Бухарский государственный университет, Узбекистан

Аннотация. В данной статье описаны научные наблюдения по теоретическим вопросам, связанным с психоневролингвистическими и лингвокультурологическими свойствами невербальных средств общения во французском языке, в узбекском языке и в русском языках, а также их отношение к научным исследованиям в этих областях.

Ключевые слова: психоневролингвистика, вербальное общение, невербальное общение, кинесика, мимика, поза тела, визуальный контакт (взгляд), частота контактов, проксика и экстралингвистика, интонация, голос, пауза, выдох, плач, кашель, тембр, смех, талесика, рукопожатие, аплодисменты, поцелуи, проксемика, эмоциональное состояние, состояние ротовой полости. состояние губ; форма глаз, яркость глаз, положение бровей, положение лба, положение лица.

1. Введение

Актуальность рассматриваемых в статье вопросов состоит во внедрение вербальной и невербальной коммуникации в учебном процессе, которое имеет одновременно глобальное значение. В частности, ни для кого не секрет, то что в Европе, особенно в России, университеты достигли большого научного результата в этой области. Однако в контексте Узбекистана потребность исследований в этой области в настоящее время становится все более важной.

1.1. Научное и практическое значение. Существует потребность в преподавании французского и русского языков в специальных школах-интернатах у детей с ограниченными возможностями в школах Узбекистана. Мы исследуем подходы в обучении французского и русского языка у детей, страдающие аутизмом, дислексией и дисграфией, а также создания благоприятных условий для того, чтобы дети с этими симптомами могли легко общаться на французском. Это требует оригинальности, новизны, интересных и неожиданных подходов к предмету.

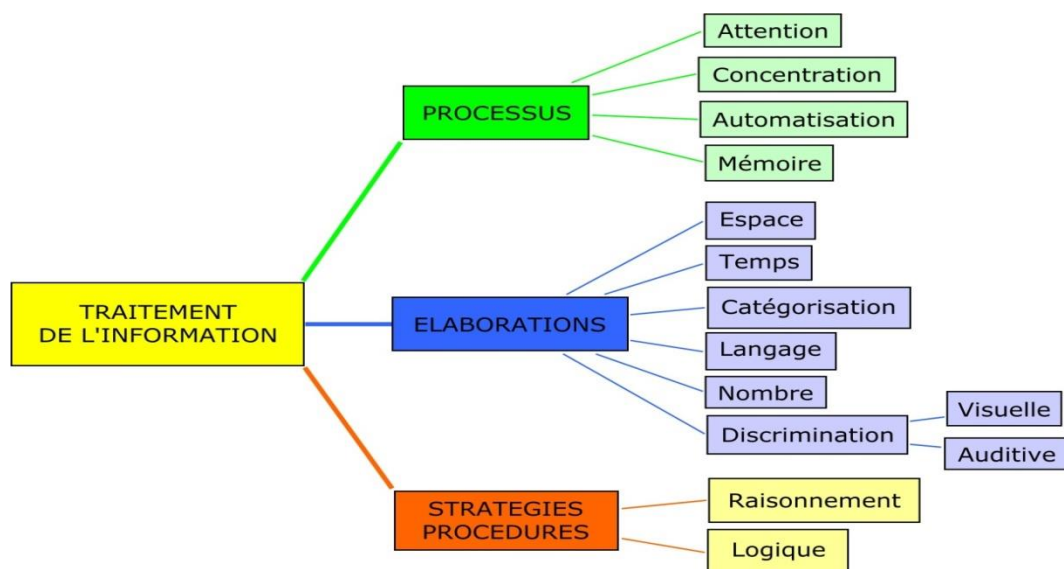
Научное и практическое значение этой темы состоит в том, что детей с ограниченными возможностями, принимая во внимание их недостатки можно обучить их иностранному языку. Только в этом направлении необходимо выработать особый подход и выбрать конкретную методику изучения языка. Изучаемый предмет помогает нам достичь этой цели. Для достижения наших целей мы брали за основу труды следующих ученых: Н.А. Багдасарова, Биркенбил, Г.В. Бороздина, Р.Р. Бобокалонов, В.А. Горянина, И.Н. Горелов, Т.В. Ермолова, Г.В. Алексеева, В.П. Конечкая, В.А. Лабунская, Э.А. Петрова, В.П. Морозов, Моррис Демонд.

2. Материалы и методы

В течение второй половины двадцатого и двадцать первого веков образовательная система представляет собой передовой инструмент для приобретения, хранения и использования когнитивных знаний появившийся в странах Америки и Европы – карты разумного мышления результатов (A MIND MAP на английском языке, и на французском LES CARTES MENTALES). Целью этого является метод достижения интеграции всех психических процессов познания, включая сознание, мышление, рассуждение и суждение, путем передачи и восприятия знаний и мышления в конкретной системе [13]. Согласно этому методу необходимо психологически изменить неврологические механизмы в когнитивной сфере. Это обеспечивает ответственность ребёнка за учёбу и самостоятельную работу и, в свою очередь, учитывает основные психологические трудности ученика. В процессе получения и передачи информации, наряду с восстановлением психоневрологических дефектов: зрительных, слуховых, кинестетических, необходимо восстановить и создать долговременную память, включающую в себя все знания и понятия. На этом этапе процессы, связанные с обработкой информации, в первую очередь направлены на концентрацию и автоматизацию на обострение памяти и внимания. Это заполняет разрыв между учителем и учеником, делит знания учеников на категории и сочетает визуальные и аудиовизуальные (визуальные и слуховые) навыки.

3. Результаты

Особое внимание следует уделять стратегиям и действиям, которые необходимо реализовать с течением времени. В основе всего этого – результат мышления и логики. Они приведены в следующей таблице «Обработка данных»:

В веб-сайте Нова Эскола учёные обогатили эту теорию преподавания. По словам североамериканского исследователя и автора книги «Психология образования» Дэвида Пола Аусубеля (1918-2008): «Вместо того, чтобы изолировать (ограничивать) читателя, необходимо отточить его мышление» [14], Жана Пиаже, Льва Выготского и Анри Валлона объяснили: «Чем больше человек знает, тем больше он хочет узнать. ... Обучение конструктивному мышлению – это не попытка передать знания читателю, а научить их всему. Обучение – это процесс, в котором он развивает свои знания и навыки на основе своих предыдущих знаний».¹ Итак, конструктивное мышление – это правильное отражение ясных, реальных и сложных ситуаций, которые необходимо создать на основе собственного опыта. Для этого когнитивные знания формируются с помощью графических органайзеров, в которых важна взаимосвязь между способами передачи знаний учащимся. Аусубель за благовременное

обучение определяет успех. Основные элементы теории его: «Ясность, количество, организация». Это потребует сотрудничества и взаимодействия, поэтому ученику нужно будет общаться, взаимодействовать и решать сложные задачи.

По словам Ф. Смита: «Для нас «Теория мышления мира» – это способ восприятия суммы наших знаний об окружающем мире, суммы наших знаний о Вселенной и события, основанных на нашем собственном опыте. Когда мы сталкиваемся с этим, наша «Теория мышления мира» влияет на то, как мы объединяем новые знания с нашим ранее приобретённым грузом знаний» [16].

Коммуникация – это социально-психологический процесс взаимного обмена информацией между людьми, осуществляемый двумя способами – вербальным и невербальным способами речи воздействия. В процессе общения эти факторы тесно связаны друг с другом. Это означает, что информация передаётся людям устно (вербально) или не устно (невербальное). И оба эти средства общения одинаково важны [1; 6, с. 238; 8, с. 246; 9, с. 189]. Эти оба случая не были глубоко изучены в области узбекской лингвокультурологии и психонейролингвистики.

Невербальное общение – уникальное средство передачи данных. Невербальные средства могут сопровождать речевой процесс, дополнять речь и в некоторых случаях делать информацию “бессловесной” для слушателя. Психонейролингвистика фокусируется на трёх аспектах: 1) умственная подготовка, 2) функция мозга, 3) языковые навыки [3, с. 247; 8, с. 246].

4. Дискуссия

Чувства и отношения людей оживляются посредством вербального общения. Информация передаётся логично, точно и четко, а иногда расплывчиво. Обмен идеями осуществляется устно и невербально параллельно и раздельно. Посредством общения говорящий не только передает информацию, но также анализирует и синтезирует сообщение, обменивается идеями о трудностях в решении проблемы, жалуется, выдвигает требования, задаёт вопросы, ищет ответы и т.д. Поскольку определение того, сопровождают ли невербальные средства коммуникативно-канонические речевые средства в той или иной степени, является отдельной темой [4, с. 122; 15].

Факторы вербального и невербального общения заключаются в том, что люди встречаются, прощаются, аплодируют, поздравляют, скорбят, извиняются, предлагают, подтверждают, отрицают, удивляют, благодарят, удовлетворяют, как внимание на невербальные речевые сигналы хорошо наблюдается в таких коммуникативных процессах [2, с. 176; 4, с. 122; 9, с. 189]. Как и вербальная речь, передают информацию слушателю в трех ситуациях: 1) при передаче информации собеседнику, 2) влияние на собеседника, 3) при оживлении разговора [6, с. 238]. Ученые выяснили, что невербальное общение предполагает более семисот тысяч жестов руками, лицом и телом. Невербальное поведение считается самым богатым «алфавитом» языка и тела и рефлексивным поведением [2, с. 176; 3, с. 247; 6, с. 238; 8, с. 246 и. д.].

Э.А. Петрова отмечает, что впервые 12 секунд общения собеседников 92% информации визуализируется невербальное. Впервые 20 минут разговора при помощи невербальных жестов ключевая информация передаётся собеседникам. Количество невербальных сигналов, участвующих в процессе общения, очень велико. В некоторых случаях бывают случаи несовместимости речи, и в таких обстоятельствах, если значение невербального сигнала противоречит значению вербального сигнала, люди верят невербальной информации. И наоборот, если человек бьёт себя, а затем призывает его к компромиссу, то этот жест может противоречить содержанию словесной информации, и публика может не доверять ему из-за агрессивного жеста [11, с. 129]. Невербальные инструкции так же многозначны, как и слова. Невербальный сигнал «кивок» может означать согласие, внимание, признание, приветствие, благодарность, разрешение, мотивацию в зависимости от использованного контекста [9, с. 189].

К средствам невербального общения относятся кинесика – это важнейшее средство невербального общения. Кинесика происходит от английского слова, которое выполняет выразительную и регулирующую функцию в общении. Это проявляется в мимике в положении, во взгляде, походке другого человека. Мимика – это набор сигналов понятных участникам в общении, таких как различные движения рук и головы, жесты. Количество жестов важно для людей, чтобы легко понять самих себя. Основная характеристика мимики – ее целостность и динамика. Это означает, что при мимическом выражении шести основных эмоциональных состояний (гнев, радость, страх, страдание, удивление и отвращение). Об этом мы узнали из исследования В.А. Лабунской. [8, с. 246]. Все люди, независимо от национальности и культуры, выполняют эти имитационные конфигурации с достаточной точностью и последовательностью как выражение соответствующих эмоций. Единица мимики называется миной. Каждая мина представляет собой конфигурацию лица. Информация в основном передается через разное положение бровей и губ. Постоянные эмоции могут включать больше чувств радости, удивления, отвращения, гнева и печали и меньше чувства страха. По словам В.А. Лабунской: “Если человек чем-то возбужден, заинтересован или находится в приподнятом настроении, его глаза расширяются в четыре раза больше, чем обычно”. И наоборот, когда он в гневе или в грустном состоянии, его глаза сужаются больше, чем обычно. Выражение лица содержит не только информацию о человеке, но и его внешний вид. Лицо – основной источник информации о психологическом состоянии человека, мимика в несколько раз контролируется сознательно, чем движение тела. [8, с.246]. Такое психофизиологическое состояние проявляется у каждой нации по-разному. Например, при определенных обстоятельствах, если человек хочет скрыть свои чувства или намеренно передать ложную информацию, его тело также становится источником информации.

Многие учёные заявляют о положении тела, что “Это положение человеческого тела, характерно для определенной культуры.” Поза тела – единица элементов человеческого поведения и вербальных характеристик. Вот почему – это язык тела [2, с. 176; 10]. Культурные традиции каждого народа также можно определить по положению тела. Например, в художественной литературе, в фильмах есть много примеров позы тела. Например, у японцев и индейцев есть много жестов используемых, при встрече и прощание, например, японцы наклоняются и прижимают руки ко лбу. Индусы же наоборот, преподносят руки ко лбу и слегка покачивают голову. Но они не кланяются, как японцы. Например, узбеки прикладывают руку на сердце, слегка улыбаются и двигают головой вверх и вниз. Турки, например, когда здороваются и прощаются бьют друг от друга лбом. А также социальные и политические факторы влияют на язык тела и осанку. [2, с. 176; 10].

До недавнего времени, мужчины в Европе при встрече знакомого, поднимали шляпы и слегка наклонялись в стороны. Этот жест давно уже не используют в Европе. Давным-давно русские при виде хозяина, снимали шляпы и подносили к груди. После революции был отменен этот жест. В Советское время возникло ещё одно необычное чувство гордость, связанное с движением тела. Многие руководители подрожали И.В. Сталину, например, носили усы, пятизвёздочные шляпы, обтягивающие брюки и бумагу под мышками. В то время, чтобы выразить радость, или ложное счастье, они немного подкручивали усы и крутили их. Во времена Мольера французы носили шляпы, сначала они снимали шляпы перед дамами, затем и перед джентльменами. Тем самым «Приветствовали их!». Снимая шляпу, которая своим ветром очищала их дорогу, вытягивали правую ногу вперед, а левую немного назад, держа рукоятку меча в левой руке и используя слово «мадам, месье», делая комплимент, кланялись. Во времена буржуазии появились жесты во время приветствия приподнимать шляпу.

Пандемия корона вируса также нанесла удар по национальным традициям общения, выражаемым через язык тела. В это трудное время человечество вынужденно держаться на расстоянии двух метров друг от друга, не соблюдая никаких традиций. Хорошо известно, что, если человеку нужно общение с встретившимся его знакомым, он обязательно остановится и обратит на него внимание. А если ему не интересно общение с данным человеком,

он откидывает голову назад и делает вид, что не замечает. Человек проявляет себя, чтобы его заметили и это можно увидеть на примере в нескольких ситуациях: стоя, в напряжённом положении, с широко открытыми плечами, иногда с руками, сложенными вокруг талии «оставаясь свободным», в слегка свободном и спокойном состоянии.

Просодические и экстралингвистические средства регулируют течение речи, за исключением средств языкового общения, они дополняют, заменяют и предсказывают речевые слова, выражают эмоциональные состояния. Энтузиазм, радость и неуверенность обычно передаются вслух, тогда как гнев и страх передаются более сильным тоном и голосом. Печаль, горе, усталость обычно передаются предложениями и приглушенными голосами, с понижением интонации в конце речи. Просодия – это общее название ритмических и интонационных аспектов, таких как высота и тон голоса, тембр голоса, сила ударение. Экстралингвистическая система – введение пауз в речи, а также различных психофизиологических проявлений человека: плач, кашель, смех, вздох и т.д.

В культуре каждого народа личные жесты имеют определённое значение. Есть и межкультурные подобные жесты. Э. Холл провёл ряд исследований, сравнив особенности различных культурных групп и выделив их культурно-коммуникационные характеристики. Он пришел к выводу о том, что системы коммуникаций управляются невысказанными, скрытыми правилами, необходимыми для адекватного понимания происходящего и успешного межличностного общения. Он сфокусировал своё внимание на образцах коммуникации и разработал общую типологию по отношению к их контексту. Согласно Холлу, трудности в осуществлении межкультурной коммуникации возникают не из-за языкового кода или набора символов, а контекста, содержащего несколько значений. Без контекста код является неполным, несовершенным, Контекст и количество информации являются одним из параметров, по которым можно сравнить культурные социумы и определить характер и результаты процесса коммуникации [12].

5. Вывод

По итогам, невербальное общение – это когда человек выражает себя без слов. Но этот метод может сопровождаться устной речью. Общий язык тела – основа невербального общения. Язык жестов и движения тела не только помогают лучше понять собеседника, но также очень важны при обучении языку в педагогическом процессе, помогая преодолевать нейролингвистические проблемы. Создаёт условия для самовыражения человека в обществе. Подразумевается, что будет возрастать интерес студентов к методам обучения и методам обучения, что поможет предотвратить трудности в обучении и удовлетворить потребности специального образования. Образование не то, что каждый ученик подходит к нему в соответствии со своими интересами. В процессе обучения меняются усвоение знаний учеником, стиль чтения, мотивация. Кроме того, от учеников требуется умение освоить материалы по вкусу своему интереса.

Примечание

Ермолова Т.В., Алексеева Г.В. Обзор статьи Орландо Лоуренцо: «Пиаже и Выготский: многочисленные сходства и существенные расхождения» (New Ideas in Psychology 30 (2012) С. 281–295) Современная зарубежная психология. № 2 / 2013

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарова, Н.А. Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и национальное / Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению / Н.А. Багдасарова. – МГИМО, Университет, 2006.
2. Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – С.-П.: «Питер», 1997. – 176 с.
3. Бороздина, Г.В. Психология делового общения. Глава В. Невербальные особенности в процессе делового общения / Г.В. Бороздина. – М.: «Деловая книга», 1998. – 247 с.
4. Бобокалонов, Р.Р. Ўзбек тилида семантик-функционал шаклланган сўз-гаплар талқини / Р.Р. Бобокалонов. – «Фан», Тошкент, 2006. – 3. – 122 б.

5. Горянина, В.А. Психология общения / В.А. Горянина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 416 с.
6. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: «Наука», 1980. – 238 с.
7. Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая. – М.: МУБУ, 1997. – 164 с.
8. Лабунская, В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1988. – 246 с.
9. Морозов, В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В.П. Морозов. – М.: ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. – 189 с.
10. Моррис, Десмонд. Библия языка телодвижений. – Эксмо; Москва, 2010.
11. Петрова, Э.А. Пути и способы введения лекарственных средств в организм животных / Э.А. Петрова. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. – 129 с.
12. Холл, Е.Т. За пределами культуры / Е.Т. Холл. – Якорные книги, 1989.
13. Goupil, G. et Lusignan, G. (1993). Apprentissage et enseignement en milieu scolaire. Montréal: Gaëtan Morin.
14. <http://www.fse.ulaval.ca/chrd/Theories.app./theorie.htm>
15. Sayfullaeva R. R., Bobokalonov R. R. and others. Social map of the language: neurolinguistics and optimization of speech// International Journal of Psychosocial Rehabilitation, Vol.24, Issue 09, 2020 ISSN: 1475-7192
16. SMITH, F. *La compréhension et l'apprentissage*, Canada, HRW, 1979
17. Théories de l'apprentissage, Anna R. GALIANO, Maître de Conférences à l'Université Catholique de Lyon. <http://annarita.galiano.pagesperso-orange.fr/Enseignement.html>.
18. *Le Mind-Mapping, Présentation des cartes mentales*, Jean-Pascal CÔTE, Avril 2010 <http://www.slideshare.net/JPCOTE/les-cartes-mentalesv10>

Материал поступил в редакцию 03.11.20

NEUROLINGUISTIC PROBLEMS: PROPERTIES OF NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION AND EXPRESSION

R.R. Bobokalonov¹, N.I. Hayatova², P.R. Bobokalonov³

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ^{2,3} Lecturer
Bukhara State University, Uzbekistan

Abstract. *This article discusses the scientific observations on theoretical issues related to the psychoneurolinguistic and lingvoculturological properties of non-verbal means of communication in the Uzbek language, as well as the attitude to scientific research in these areas.*

Keywords: *psycho-neurolinguistics, non-verbal communication, verbal communication, kinesics, facial expressions, posture, visual contact, contact frequency, proxemics and extralinguistics, intonation, voice, pause, exhalation, crying, coughing, timbre, laughter, talesika, hand, applause, kisses, proxemics, emotional states; condition of the mouth. condition of the lips; the shape of the eyes, the brightness of the eyes, the position of the eyebrows, the position of the forehead, the position of the face.*

УДК 81'327

МЕТАФОРИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ЖАНРЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Россия

***Аннотация.** Новизна исследования обусловлена акцентуированием высокой степени метафоричности и смысловой вариативности как тенденции моделирования современного профессионального языка. Высокий индекс образности профессионального языка в жанре маркетинговых коммуникаций, стимулируя воображение потенциальных покупателей, обретает большое коммерческое значение. Актуализируя возможность использования метафорического мышления для постижения нового знания, автор предлагает рассматривать рекламу в социальных сетях как пространство заполнения этнокультурных лакун.*

***Ключевые слова:** профессиональная лингвокультура, маркетинговые коммуникации, индекс образности, этнокультурные лакуны.*

Введение

Одна из тенденций моделирования современного профессионального языка экономистов связана с его экспрессивностью, а, стало быть, с высокой степенью метафоричности и смысловой вариативности в триаде человек – культура – профессиональная сфера. Наиболее ярко это проявляется в стратегиях рекламы, где серьезную долю рекламных текстов представляют собой метафоры, для восприятия которых требуется образное языковое мышление.

В самом деле, без метафор язык представлялся бы роботизированным. Метафорическое мышление в той или иной степени присуще всем и позволяет использовать для постижения нового знания не только логические, но и творческие инструменты познания. Более того, метафоричность восприятия расширяет возможности анализа информации, ее запоминания и создания новых идей, возможности поиска нестандартных решений. В продуктивных видах речевой деятельности метафорический интеллект наращивает потенциал образного мышления – способность находить неизбитые сравнения, излагая новую информацию через аналогии с уже имеющейся, переводить сложные научные концепты в более доступные и приемлемые словесные формы, вкладывать эмоции в свое послание. Практика подтверждает, что многие сложные, абстрактные понятия понимаются исключительно посредством метафор.

Образность профессионального языка рекламы

Следует также отметить, что метафоры питают и стимулируют наше воображение, способствуя запоминанию. Поэтому они имеют большое коммерческое значение и часто используются в общении между продавцом и потенциальным покупателем, т. е. в языке рекламы и продвижения, в поле продаж. Клиентов убеждают покупать продукты, которые являются *user friendly* – удобными, *sophisticated* – замысловатыми, *ip-market* – элитарными, *top-of-the-range* – первосортными, *state-of-the-art* – с учетом последних достижений, *based on the latest cutting edge technology* – на передовом технологическом уровне, *green* – экологически щадящими, *energy saving* – энергосберегающими, *and environmentally friendly* – безвредными для окружающей среды.

Современное состояние развития рекламной деятельности активизировало многие лингвистические процессы и привело к появлению профессионального языка рекламы с высоким индексом образности. «Сейчас люди покупают совершенно не так, как всего пару лет назад, поэтому маркетологам нужно приспособиться или готовиться к вымиранию» [4],

считает исполнительный директор и один из основателей компании HubSpot Брайан Халлиган (Brian Halligan).

Интересны тенденции, прослеживаемые в жанре маркетинговых коммуникаций, где профессиональный язык никак не может быть стилистически нейтральным, а наоборот, должен нести как можно больше экспрессии и эмоций, определяя адекватное восприятие иноязычного рекламного текста. Бесспорно, тенденциозность моделирования современного языка маркетологов «обусловлена его экспрессивностью как некой неизменной составляющей, и, стало быть, высокой степенью метафоричности — свойством, не вполне типичным для специальных языков» [1, с. 24].

Рекламные слоганы часто используют образные выражения, e.g. *LG— life's good!* -*LG — жизнь прекрасна!*; *Toshiba— intouchwithtomorrow* – *Toshiba – на связи с завтрашним днем*; *Skoda— simplyclever* – *Skoda – просто умница* или *Rossignol— puremountaincompany* – *Rossignol – чистая горная компания*. Таким образом, они могут создавать очень эмоциональное отношение потенциального клиента к продукту или бренду; кроме того, фигуративные единицы в рекламных слоганах могут нести больше смысловой нагрузки, чем литературные выражения. Рекламные слоганы, содержащие метафоры, способны продвигать бренд более внушительным и мощным способом, и в результате люди, как правило, легче запоминают такую рекламу. Благоприятный имидж бренда может быть создан быстрее, если метафора, используемая в слогане, передает дополнительную привлекательную информацию о рекламируемом бренде, т.е., рекламная кампания, умно использующая метафоры в слоганах, ведет к лучшему узнаванию бренда, а следовательно, к увеличению объема продаж и, в конечном итоге, к более высокой прибыли.

Наиболее ярко это проявляется в темах, перед которыми равны все: в стратегиях рекламы, настроенных на создание позитивной иллюзии. «Серьезная доля рекламных текстов представляют собой метафоры: “*Plopplop, fizzfizz, oh what a relief it is!*” (реклама Alka-Seltzer: “Веселье без похмелья!”). Англоязычный слоган шоколадного батончика Bounty гласит: “*Bounty. The taste of paradise*”. В России батончик в слогане изменил свой «вкус» на довольно употребительное в отечественной рекламе слово *наслаждение* – «*Баунти. Райское наслаждение*» [2, с. 100]. Массированное заваливание потенциальных клиентов рекламными объявлениями, т.е., назойливая рекламная кампания уподобляется *carpetbomb— ковровой бомбардировке, рекламная блиц-кампания – advertisingblitz*; при этом рекламная кампания по продвижению и раскрутке товара на рынке – *promotioncampaign*.

Социальные сети как пространство заполнения этнокультурных лакун в рекламе

Известно и закономерно, что новые инструменты появляются только тогда, когда старые уже не достигают цели. Такова природа образования новых метафорических терминов в рекламном дискурсе.

По аналогии с медицинской терминологией возникли *вирусная реклама – viral advertising* и *вирусный, скрытый маркетинг (эк.) – viral marketing*. Вирусный маркетинг и вирусная реклама — это бизнес-стратегии маркетинговой техники, которая использует действующие социальные сети для повышения осведомленности о бренде и стимулировании продаж. Пользователи по собственной инициативе начинают пересылать рекламное сообщение — текст, видео, изображение, игру, электронную книгу, программу — своим друзьям. Процесс, который в русском языке издавна именовался '*сарафанным радио*', подобен распространению компьютерных или обычных вирусов: один заразил двух, каждый из зараженных еще по паре и т. д. Вирусный маркетинг может быть эффективным как самостоятельный инструмент или как часть более широкой маркетинговой кампании, вызывающей маркетинговый шум. Термин *вирусный маркетинг* имеет высокий индекс частотности в профессиональном языке: *Viral marketing exposes brands to exponential ROI because it generates so much interest and spreads like a virus* – *Вирусный маркетинг подвергает бренды экспоненциальной рентабельности, поскольку он вызывает такой большой интерес и распространяется как вирус. /What is the most effective viral marketing campaign you have seen? - Какую наиболее эффективную кампанию вирусного маркетинга вы встречали?*

Примеров вирусного маркетинга множество. Поскольку эмоции управляют людьми, многие бренды превращают в капитал эмоциональную привязанность, как в рекламе P & G “*thank you mom*” – «спасибо маме». Вирусная маркетинговая кампания, Dollar Shave Club (DSC) [3], предлагала услугу подписки на бритву, которая на момент запуска была уникальным предложением. Чтобы охватить потенциальных клиентов, в вирусном проморолике генеральный директор обратился к покупателям с предложением не переплачивать за брендовые бритвы с ненужной функциональностью и DSC получил более 12 000 подписчиков за первые 48 часов. BeardBrand использовала всю маркетинговую воронку электронной коммерции, не только продавая продукты, но и обучая свою аудиторию тому, как ухаживать за бородой. Пользователи адресовали друзей к учебным пособиям как на YouTube-канале компании, так и в ее блоге [7]. Иногда вирусной становится не оригинальная концепция, а реакция на обратную связь с ней. Подобно Beardbrand, Luxy Hair сосредоточилась на обучении клиентов на YouTube тому, как укладывать волосы. Видео генерировало миллионы просмотров, и бесплатная информация стимулировала зрителей к приобретению наращенных волос [8].

Маркетинг ‘из уст в уста’, или ‘сарафанное радио’ может усиливаться за счет Интернет и мобильных сетей. По данным Harris Poll 2018 [5], года, около 82 процентов американцев обращаются к своей личной сети за рекомендациями по продукту; 67 процентов людей утверждают, что они с большей вероятностью совершат покупку после того, как узнают отзывы близких людей устно или в социальных сетях. Рост социальных сетей и влияния маркетинга помогает компаниям превращать своих клиентов в долгосрочных послов своего бренда.

Действие/эффект ‘сарафанного радио’ можно наблюдать в деятельности ряда компаний.

Термин «устная реклама», или «реклама, создаваемая потребителями» плотно вошел в язык профессиональных коммуникаций: *Word-of-mouth is triggered when a customer experiences something far beyond what was expected – Реклама «из уст в уста» срабатывает, когда клиент получает нечто гораздо большее, чем ожидалось. /Word-of-mouth advertising is important for every business, as each happy customer can steer dozens of new ones your way. – Реклама «из уст в уста» важна для любого бизнеса, так как каждый довольный клиент может привлечь к вам десятки новых.* На пользовательском контенте процветает Pinterest. Рекламная кампания «Pin It Forward» предлагала превью захватывающих проектов с пробным участием и побуждала пользователей создавать пинборды и приглашать своих друзей делать то же самое. *Pinterest, once on your radar, you are hooked – Pinterest, однажды встретившись, вы уже не расстанетесь* [6].

Заключение

Этнокультурные лакуны демонстрируют изобилие или недостаточность лингвокультурной информации у носителей языка и культуры. Именно метафора помогает устранению лакун в межкультурном деловом дискурсе за счет их заполнения или компенсации.

Профессиональная лингвокультура студента-маркетолога подразумевает умение оперировать лингвокультурными единицами – метафорически выраженными профессионально-значимыми концептами, конструирующими, в частности, профессиональную языковую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова, И.И. Метафоризация как моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков / И.И. Воронцова // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. – 2019. – № 3 – С. 22–31.
2. Воронцова, И.И. Психологическое влияние социолингвистических факторов на массовую аудиторию при переводе рекламных текстов на другой язык / И.И. Воронцова, Я.А. Тагай // Научный электронный журнал ART&CULT РГГУ. ISSN 2227-6165 – 2016. – № 23 (3) – С. 97–103.

3. Системы WiFi-маркетинга для вашего бизнеса // <https://www.facebook.com/hotwifi>, Апр. 19, 2018. Режим доступа: <https://hot-wifi.ru/blog/dsc/> (дата обращения 07.10.2020) Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voенноеправо.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).
4. Halligan, V. Inbound: How to Create Marketing People Love / V. Halligan, D. Shah. – Wiley, 2017. – 240 p.
5. Harris Poll Online, 2020 Режим доступа: Reviews and <https://www.surveypolice.com/harris-poll-online> (дата обращения 03.10.2020)
6. Pinterest – Pin It Forward UK, 2020. Режим доступа: <https://www.malloryontravel.com/2013/06/hot-tips/blogging/pinterest-pin-forward/> (дата обращения 03.10.2020).
7. YouTube // Beardbrand. Old School Side Part Skin Fade, 2018. Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCm0f2zUj2eSEKfH8IpyHV3Q> (дата обращения 03.10.2020)
8. YouTube // Welcome to the Luxy Hair channel!, 2018 Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/LuxyHair?hl=ru> (дата обращения 01.10.2020)

Материал поступил в редакцию 24.10.20

METAPHORICS OF PROFESSIONAL LANGUAGE IN THE GENRE OF MARKETING COMMUNICATIONS

I.I. Vorontsova, PhD in Philology / Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Department of Foreign Languages
Russian State University for the Humanities (Moscow), Russia

***Abstract.** The novelty of the research is due to the accentuation of a high degree of metaphorical and semantic variability as a trend in modeling modern professional language. A high index of professional language imagery in the genre of marketing communications, stimulating the imagination of potential buyers, proves of great commercial value. Actualizing the possibility of using metaphorical thinking to comprehend new knowledge, the author suggests considering advertising in social networks as a space for filling in ethnocultural lacunae.*

***Keywords:** professional linguistic culture, marketing communications, imagery index, ethnocultural lacunae.*

УДК 80

ФЕНОМЕН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

О.В. Черединова¹, О.А. Краснова², М.Н. Романькова³, Л.В. Токарева⁴

^{1, 3, 4} старший преподаватель, ² доцент

Новосибирский государственный медицинский университет, Россия

***Аннотация.** Перевод осуществляется в рамках двуязычия и взаимовлияние языков неизбежно. Это взаимовлияние получило название лингвистической интерференции. Адекватный перевод предполагает правильную, точную и полную передачу содержания. Но, поскольку между лексическими и грамматическими явлениями двух различных языков нет полного соответствия, при переводе часто приходится пользоваться всевозможными лексическими и грамматическими трансформациями.*

***Ключевые слова:** взаимовлияние языков, лингвистическая интерференция, язык оригинала, грамматические трансформации, смысл и значение.*

Обучение иностранному языку в медицинском вузе включает в себя много составляющих, но основное внимание уделяется все-таки переводу научных текстов. Как известно, перевод является одним из средств коммуникации и осуществляется в рамках двуязычия. Переводчик, который имеет дело с конкретным, особенно научным текстом, оперирует на уровне смысла, а не значения. Перевод научного текста должен абсолютно точно передать смысл оригинала в той форме, которая по возможности является наиболее близкой к форме оригинала. Существует понимание адекватности перевода как сохранения той же реакции адресата при восприятии переведенного текста, что и при восприятии текста оригинала [8].

Адекватный и полноценный перевод предполагает правильную, точную и полную передачу содержания и особенностей текста-первоисточника, сохранение функциональности и языковой формы при правильности языка, на который осуществляется перевод. Критерием оценки может быть степень близости к оригиналу, качество языкового оформления текста, степень эквивалентности, жанрово-стилистическая правильность перевода, компетентность переводчика [2]. Поэтому для осуществления правильного перевода необходимо глубокое знание всех аспектов языка: фонетики, грамматики, лексикологии, стилистики. Без этих знаний невозможно практически решать проблемы синтаксического, грамматического, лексического и стилистического порядка. При переводе, естественно, может наблюдаться достаточно большое количество отступлений, которые могут быть оправданы особенностями русского языка и требованиями стиля. И в рамках двуязычия, именно сравнительный анализ разносистемных языков, должен служить основой обучения теории и практики перевода. Сравнительный анализ перевода представляет собой анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием текста оригинала. В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках. Сравнивая такие тексты, можно понять внутренние механизмы перевода, найти эквивалентные единицы, а также выявить те изменения формы и содержания, которые происходят при замене единиц оригинала эквивалентными единицами в тексте перевода. Контрастивное исследование помогает глубже проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие

этими процессами. Поэтому контрастивная лингвистика является той зоной, где пересекаются пути теории и практики [10].

При языковом контакте взаимовлияние языков неизбежно, как при межкультурной коммуникации, так и при переводе. Это взаимовлияние получило название лингвистической интерференции, которая может стать началом заимствования, переноса из одного языка в другой или слияния тех или иных элементов контактирующих языков. Под интерференцией нужно понимать те случаи отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с двуязычием. Лингвистическую интерференцию можно определить как перенос фонетических, лексических, грамматических, культурных и стилистических особенностей исходного языка, являющегося родным для переводчика, на язык перевода, вызывающих отклонения от языковых норм и системы последнего и чуждых ему [6]. Феномен лингвистической интерференции, используемой при переводе, можно классифицировать по следующим уровням: грамматическая, лексическая, семантическая и стилистическая интерференция. Грамматическая интерференция, в свою очередь, подразделяется на морфологическую, синтаксическую и пунктуационную. Ведь даже на уровне пунктуации, интерференция может осложнять понимание текста, особенно если он изобилует трудными грамматическими конструкциями. Следовательно, недооценка явления интерференции может привести к различным ошибкам, неточностям, искажению смысла, что особенно важно иметь в виду при работе с переводом научных текстов.

Как известно, грамматическая категория есть реально существующее в языке единство значения и средств его формально-грамматического выражения [9]. Но, поскольку между грамматическими явлениями двух различных языков ни на уровне формы, ни на уровне значения нет полного соответствия, при переводе возникают трудности, связанные именно с грамматикой. Так, некоторые грамматические явления и категории, которые характерны для одного языка, могут отсутствовать в другом. Например, в русском языке нет такого понятия как артикль, нет слов-заменителей, оборотов типа *There is /are*, нет абсолютных причастных оборотов и сложных инфинитивных конструкций, а в английском языке нет деепричастия, нет слова *свой*. Однако и таким явлениям грамматики можно найти адекватные средства выражения. Поиск таких средств выражения связан со всевозможными лексическими и грамматическими трансформациями. И дело не в самих лексических и грамматических средствах, а в том месте, которое им отводится. Базу для сравнительного анализа при переводе представляют собой элементы коммуникативного процесса, то есть высказывания, которые анализируются на более сложном, синтаксическом уровне. При этом слова и грамматические конструкции выступают своеобразными знаками, сигнализирующими о таких элементах.

Естественно, существуют предложения типа *He studies at the medical university*, где перевод сводится к замене одних языковых знаков другими. Но подобные предложения являются довольно редкими. Подобные предложения являются примерами синтаксического уподобления или дословного перевода и представляет собой тип «нулевой трансформации», при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода, и которая встречается только в тех случаях, когда и в оригинале, и в языке перевода имеются параллельные синтаксические конструкции. И попытки перевести дословно тот или иной текст или его отрезок, приводят или к полной непонятности этого текста, или его тяжеловесности. На практике же переводчик сталкивается с широким кругом трансформаций, к числу которых относится замена пассивной конструкции активной (*A new method was used by the surgeon. – Хирург использовал новый метод*), использование безличных и неопределенно-личных конструкций, замена существительного глаголом (*My sister is a good dancer. – Моя сестра хорошо танцует*), подлежащего обстоятельством и т. д. Из наиболее употребительных способов перевода с помощью трансформаций можно выделить следующие: изменение порядка слов, синтаксические развертывания, антонимический перевод, культурно-ситуативную замену, функциональную замену, прием лексического добавления или опущения, прием конкретизации, обобщения, уточнения и т.д.

Для английского языка характерны более экономные способы выражения мысли по сравнению с русским языком, то есть русский язык является более дискретным, чем английский, а это ведет к расширению объема переводимого текста. Эта закономерность отражается в переводе с помощью переводческого приема, называемого членением предложений. Членение предложения – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры переводящего языка. Эта трансформация обусловлена структурно-типологическими расхождениями синтаксиса исходного и переводящего языка. Прием членения приводит к преобразованию сложного предложения исходного английского языка в простое предложение переводящего русского языка (*It is bacteria in dental plaque that cause periodontal disease. – Именно бактерии в зубной бляшке вызывают заболевание пародонта*), при этом сложные синтаксические конструкции исходного предложения заменяются простыми [5]. При переводе текста можно также сталкиваться с трансформациями, которые по своей сути являются противоположными: добавлениями в тексте, с одной стороны, и опущениями, с другой. Так, добавления допустимы, когда отсутствующие в оригинале слова приходится вводить ради сохранения смысла или для того, чтобы не нарушить нормы родного языка (*vital functions – жизненно важные функции, cancers – злокачественные опухоли*). Дополнительные элементы, например, часто необходимы при переводе атрибутивных сочетаний, которые в английском языке могут выражать самые различные отношения между определением и определяемым словом. Особую сложность, конечно же, представляет перевод длинных атрибутивных цепочек. Необходимость расширения и дополнения многочисленных атрибутивных конструкций при переводе обусловлена их эллиптическим, свернутым характером (*oral health education – обучение уходу за полостью рта*). В процессе перевода часто приходится также опускать некоторые элементы текста, перевод которых приводит к нарушению синтаксических или стилистических норм языка перевода. Прием опущений предполагает отказ от передачи при переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются неревалентными или не имеют аналогов в языке перевода (*people with diabetes – диабетиками*). Опускаются прежде всего строевые элементы такие как артикли, глаголы-связки, местоимения, парные синонимы и т. д. (*He is performing an experiment. – Он проводит эксперимент*) Переводчик вправе также опускать те элементы текста, перевод которых привел бы к нарушению синтаксических или стилистических норм родного языка. Но эти приемом нельзя злоупотреблять, исключая все, что является непонятным или трудным для перевода.

До недавнего времени сравнительный анализ языков осуществлялся, главным образом, в плане грамматики, которая ограничена устоявшимся набором правил, и является нормативной по своей сути, чем в таких менее определенных и более расплывчатых сферах языка как лексика и фразеология. В настоящее время, однако, внимание все чаще обращается к лексико-фразеологической проблеме сопоставления языков, так как эта проблема имеет особо важное значение для стилистики. В разряд аналитических лексических коллокаций входят раздельно оформленные единицы с узкой сочетаемостью, в которых хотя бы один из компонентов выступает в прямом значении, при этом исполняя роль ключевого слова. Таким образом, возникает предопределенность прочтения, связанного с ним по смыслу зависимого компонента, и происходит толкование всего комплекса по остаточному принципу [3]. Иными словами, основными признаками таких коллокаций является наличие главного компонента, который употребляется в прямом значении и его устойчивую сочетаемость только с определенным зависимым компонентом, имеющим прямое или переносное значение для передачи конкретного понятия (*to worsen the pain – усилить боль, small intestine – тонкий кишечник*). Среди фразеологических единиц любого языка наибольший удельный вес составляют глагольные фразеологизмы. Это обстоятельство определяется, в первую очередь тем, что, глагольная система любого языка наиболее развита, отличается множеством грамматических категорий, семантическими, лексическими и синтаксическими особенностями [1]. Так, в английском языке значение физического и психического состояния, например, передается

следующими группами глаголов: глаголами-связками, именная часть которых выражена словами категории состояния (*asleep, awake, afraid*), именами прилагательными (*ill, anxious, nervous*), причастиями прошедшего времени (*irritated, tired*), абстрактными существительными с предлогами (*in fear, in despair, in horror*); глаголами, передающими состояние (*to sleep, to suffer, to worry*), глаголом в сочетании с абстрактными существительными, передающими различные чувства и ощущения (*a shock, a pain, a disease*). Важным представляется анализ явления «глагол + послелог». Подобные структуры представляют собой «единства», где глагол и послелог связаны в единое целое и в плане семантики, и в плане синтаксиса. Предлог, выполняющий роль послелога влияет на лексическое значение фразового глагола, который семантически отличается от простого глагола (*to carry – нести, to carry out – проводить, выполнять; to call – звонить, называть, to call in – вызывать врача на дом*).

Общеизвестно, что одной из основных и наиболее сложных задач при переводе является правильный выбор слова для полной передачи его значения в переводимом тексте. Это обуславливается полисемией английского языка. Слово как лексическая единица в английском и русском языке не всегда совпадают. Очень часто одному слову в русском языке соответствует составное слово или целое словосочетание в английском, и наоборот (*to get older – стареть, to stare – пристально смотреть*). Поэтому при переводе важно научиться выбирать правильное значение слов на основе контекста. В ряде случаев наблюдается другое явление, когда в обоих языках совпадают основные значения слов и не совпадают их производные. Например, основное значение слов *pupil* и *ученик* совпадает. Другое же значение слова *pupil* – *зрачок* в русском языке отсутствует. Таким образом употребление многозначного слова «исключает все его лексические значения, кроме одного, действующего в данный момент» [7].

Специальный перевод предназначен для определенных областей знаний, которые постоянно связаны с лексическими нововведениями. Это могут быть лексические заимствования, которые подчиняются грамматическим нормам языка перевода и занимают соответствующее место в его словарном запасе. Поэтому широкое распространение в текстах имеют так называемые интернационализмы, которые могут оказывать деструктивное влияние при переводе с одного языка на другой, так как могут иметь в разных языках совершенно иные значения (*intelligence – ум, интеллект, а не интеллекгентность*). Отсутствие эквивалента слову в языке при переводе вынуждает переводчика калькировать или транслитерировать это слово, что часто вызывает лексическую интерференцию. Особенно это касается группы интернациональных слов, которая известна как «ложные друзья переводчика», потому что такие слова совпадают по графическому написанию, и их звучание напоминает русские слова. Естественно, студентам, которые переводят текст с английского языка, приходят на ум аналогичные слова, которые в русском имеют совершенно другие значения. Например, английское слово *complexion* – *цвет лица* ошибочно переводят русским словом *комплексия* – *телосложение*, слово *accurate* – *точный*, они переводят словом *аккуратный*. Чаще всего эти семантические несоответствия связаны с тем, что данное слово в одном языке может иметь более общее значение, а в другом – более конкретное и наоборот. Особенно это характерно для специальных научных текстов, так, например, в медицинских текстах *administration* – *назначение, а не администрация; manifestation* – *проявление, а не манифестация; dramatic* – *важный, а не драматически*).

В определении принципов перевода может помочь распределение терминов по группам. Одни термины не создают трудностей при переводе, поскольку являются интернациональными медицинскими терминами Греко-латинского происхождения и переводятся при помощи транслитерации, то есть путем воссоздания их формы с помощью букв языка перевода (*diagnosis* – *диагноз, prognosis* – *прогноз*), или с помощью калькирования, то есть путем замены лексических единиц оригинала их лексическими соответствиями в языке перевода (*dentistry* – *стоматология, atrium* – *предсердие*). Другие термины обозначают понятия, которые существуют в англоязычных странах, и имеют общепринятые русские эквиваленты

(*general Practitioner* – врач общей практики, *resident* – клинический ординатор). И, наконец, есть термины, которые обозначают понятия, существующие в англоязычных странах, но не имеют общепринятых русских эквивалентов. Поэтому задачей переводчика является стремление найти наилучшее и, по возможности, единственно правильное соответствие. При этом точность зачастую может быть достигнута только путем раскрытия значения в контексте и описательного перевода. При этом, как правило, приходится жертвовать экономией языковых средств (*walk-in clinic* – клиника, *обслуживающая без предварительной записи*). Естественно, что контекстуально неадекватный выбор лексических единиц ведет к искажению смыслового содержания и является одной из переводческих ошибок.

В заключение следует отметить, что стилистические средства языка, на который делается перевод, служат не для копирования особенностей формальной организации языка оригинала, а для передачи стилистических функций, выполняемых элементами текста подлинника. То, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого – на основе выявления и передачи смысловых функций отдельных единиц [4], а коренные различия в синтаксической природе языков предопределяют широкое использование трансформаций при переводе, использование которых, тем не менее, должно быть строго обоснованным и разумным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова, Ф.А. Контрастивное исследование глагольных фразеологизмов как средство развития межкультурной коммуникации / Ф.А. Ахмедова // Язык и культура: материалы международной научно-практической конференции Борисоглебск, 16-17 ноября 2010 г. – Борисоглебск: ГОУ ВПО БГПИ, 2010. – 39 с.
2. Вайнрах, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрах // Новое в лингвистике / Под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М., 1972. – Вып 6 – 27 с.
3. Василенко, А.П. Собственно фразеологический корпус языка / А.П. Василенко // Язык и культура: материалы международной научно-практической конференции Борисоглебск, 16-17 ноября 2010 г. – Борисоглебск: ГОУ ВПО БГПИ, 2010. – 96 с.
4. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: МГУ, 2004. – С. 285.
5. Давыдова, В.В. О роли синтаксиса в переводе / В.В. Давыдова // Материалы VI всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Профессионально компетентная личность в мировом образовательном пространстве». – Новосибирск: Сибмедиздат НГМУ, 2012. – 89 с.
6. Крапивкина, О.А. Языковая интерференция как источник ошибок в научно-техническом переводе / О.А. Крапивкина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 6 – 16 с.
7. Крушельницкая, К.Г. О разграничении синтаксических и стилистических значений. Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка: сб. ст. / К.Г. Крушельницкая. – М., 1965. – С. 111.
8. Овчинникова, О.В. Прогматическая проблематика перевода: сборник статей Международной научно-практической конференции / О.В. Овчинникова. – Пенза, 2005. – 183 с.
9. Трусова, Т.В. Способы выражения элементов модели и конструкции: сборник статей Международной научно-практической конференции / Т.В. Трусова, Н.А. Дмитриенко. – Пенза, 2005. – 261 с.
10. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М., 1981:4.

Материал поступил в редакцию 22.10.20

**LINGUISTIC INTERFERENCE PHENOMENON
AND USAGE OF SYNTACTIC TRANSFORMATIONS
IN TRANSLATING SCIENTIFIC TEXTS**

O.V. Cheredinova¹, O.A. Krasnova², M.N. Roman'kova³, L.V. Tokareva⁴

^{1,3,4} Senior Lecturer, ² Associate Professor
Novosibirsk State Medical University, Russia

***Abstract.** Translating is performed inevitably in the bounds of bilinguinity and language interinfluence. This interaction is called linguistic interference. Adequate translation means correct, exact and intact rendering of the context. However, since there is no complete correspondence between the lexical and grammatical phenomena of two different languages, it is often necessary to use all sorts of lexical and grammatical transformations when translating.*

***Keywords:** languages interinfluence, linguistic interference, language of the original, grammatical transformations, sense and meaning.*

УДК 80

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

В.Ф. Алиева, главный педагог французского языка,
докторант по специальности романские языки
Факультет филологии французского языка
Азербайджанский университет языков (Баку), Азербайджан

***Аннотация.** Как известно, фразеологизмы считаются самыми молодыми объектами лингвистического исследования, хотя они применяются на разных языках с древних времён. Богатый характер фразеологических единиц предоставляет им широкий спектр возможностей исследовать их в разных направлениях. В статье подробно рассматриваются исследования и предложения отдельных, европейских и азербайджанских ученых-лингвистов по классификации фразеологии в различных аспектах. Изучение лингвокультурологических и когнитивных аспектов фразеологии, которые стали актуальными в современной лингвистике, широко освещено в этой статье, а также в этом отношении отражены предложения лингвистов. Роль фразеологизмов в создании мировой языковой картины неоспорима. Так как язык отражает основные этапы культурного развития людей, этнические и частные понятия отражаются во фразеологических единицах. Потому изучение фразеологических единиц позволяет ознакомиться с особенностями национальной культуры и национального мировоззрения. Согласно новой парадигме, фразеологизмы следует изучать в лингвокогнитивном аспекте. При рассмотрении этой парадигмы фразеологическая единица воспринимается как информативный языковой знак, отражающий культуру людей.*

***Ключевые слова:** фразеологические единицы, языковой символ, когнитивный аспект, лингвокультурологический аспект.*

Как известно, фразеологические единицы, которые играют важную роль в обогащении каждого языка, хотя были разработаны с древних времён, считаются самыми молодыми объектами лингвистического исследования. Долгое время фразеология не была признана специфической областью изучения и считалась частью лексикологии. Причиной этого стало отсутствие раскрытия сущности фразеологических единиц соответствующем уровне, их языковых закономерностей и способности эффективно функционировать в речи. Только во второй половине XX века началось систематическое изучение фразеологизмов, называемых “*Idiome*”, “*expression*”, “*locution*”.

Французский лингвист С. Мекри считает, что «изучение фразеологических единиц в современной лингвистике занимает одно из важнейших мест в описании языков» [17, с. 183-196]. Мы полностью согласны с этим утверждением, поскольку во многих языках фразеологические единицы являются важной частью словарного фонда. В связи с этим уместно вспомнить слова Гросса: «Многоязычные и многосоставные языковые единицы (*les unités polylexicales*) (это также относится и к фразеологическим единицам- от автора) в языке гораздо больше, чем однозначные и односоставные языковые единицы (*les unités monoleksikales*) [16, с. 7-22].

Как мы уже отмечали, фразеология, хотя относительно молодая наука, но заняла своё место в мире лингвистики и стала предметом внимания многих ученых - лексикологов, лексикографов, стилистов, грамматиков, литературоведов, этнологов, фольклористов. Несомненно, этот интерес обусловлен обширным характером и богатством особенностей фразеологизмов. Богатый характер фразеологизмов предоставляет им широкий спектр возможностей исследовать их в разных направлениях.

На конференциях и семинарах, посвящённых фразеологии в большинстве научных публикаций по вопросам фразеологии границы этой области, обсуждаются с того времени, когда она стала признаваться самостоятельной областью лингвистики (1950-60 гг.). Этот вопрос достаточно освещён в научной литературе, и мы не хотим останавливаться на этом. Учитывая имеющиеся идеи, можно сказать, что в лингвистике есть два основных направления в этом отношении:

1. Фразеология в широком смысле. Исследователи, которые понимают фразеологию в более широком смысле, устойчивые словосочетания, имеющие переносные значения включают во фразеологию, а также структурно разнообразными словосочетания, в том числе и структуру предложения (А.А. Булаховский, Н.М. Шанский, А.М. Гурбанов, Г.М. Галькина-Федорук, С.Г. Гаврин, Ю.Р. Кепнер, М.Х. Гусейнзаде, С.А. Джафаров, А.М. Демирчизаде, М.И. Адилов, Н.Ф. Сеидалиев, Н.К. Валиева, Г.Р. Садыхова и др.).

2. Фразеология в узком смысле. Те, которые понимают фразеологию в узком смысле, включают в себе не только все устойчивые словосочетания на языке, готовые к использованию, но и фразы, эквивалентные языковой единицей, которые не разбиты по смыслу и структуре (Ф. де Соссур, Ш. Балли, В.В. Виноградов, Н.Н. Косова, А.М. Бабкин, О.С. Ахманова, В.Л. Архангельский, М. Тагиев, Х. Байрамов и др.).

Другой подход к этому вопросу состоит в принципах определения статуса фразеологизмов в лингвистических кругах, называемых «методом покрытия». Согласно «методу покрытия» М.Т. Тагиева, определение объёма конкретной единицы и изучение материала с этой точки зрения основано на конфигурации, которую выполняет фразеология. Форма и объём фразеологического покрытия проверяются во всех возможных вариантах посредством выразительного выражения для определения грамматического и лексико-семантического типов покрытия, а объём определяется противопоставлением к ситуативным отношениям и расширениям. Благодаря чётким структурным особенностям, коммуникационные конфигурации являются ситуативными и различают то, что не структурировано» [9, с. 21].

По нашему мнению, главной особенностью, которая отличает фразеологизм от других словосочетаний, является его метафорическая обработка и стабильность. Мы считаем, что структурные особенности, то есть является ли выражение типом предложения, не могут рассматриваться как решающий фактор. Значение многих выражений не может быть эквивалентно языковой единице, то есть в слове. Например, значение выражения *quelle colique, ce travail!* невозможно выразить одним словом. Его значение может быть разъяснено только фразой: «Какое грязное дело!» Другие примеры: *monter au comble* - «достижение самого высокого уровня»; *aucun son ne sort de ma bouche* - "даже не из уст твоих" и т. д.

Как мы уже упоминали, богатый характер фразеологизма позволяет исследовать его многими способами.

Многие исследователи занимались классификацией фразеологии. Классификация, предложенная академиком В.В. Виноградовым, которая играет важную роль в становлении фразеологии как науки, была широко принята многими учеными и упоминалась в этом исследовании. Виноградов делит фразы на три группы: фразеологическое сращение, фразеологическое слияние и фразеологические сочетания. Основой этой классификации является связь между общим значением фразеологии, которая объединяет значение со значением фразеологии.

Не существует никакой близости, связи, даже потенциальной связи между общим значением фразеологического сращения и значением его компонентов.

Фразеологическое сращение является потенциальным эквивалентом слова. В этом

отношении фразеологическое слияние подходит к фразеологическому сращению, однако отличается от фразеологических сращений из-за сложности их смысловых структур, потенциального существования смыслового отношения компонентов.

Фразеологическое слияние соответствует устойчивым словосочетаниям с внешней формой речи. Во фразеологическом сочетании неустойчивые слова можно заменить синонимами [2, с. 288-294].

Другие учёные также занимались классификацией фразеологии. Например, Р.А. Будагов делит фразы на две группы: идиомы и фразеологическое слияние [1, с. 3-14].

Н.М. Шанский делит фразы на четыре группы: фразеологические сочетания, фразеологические единицы, фразеологические слияния и фразеологические выражения [13, с. 156].

Х. Касарес говоря об эквивалентности на испанском языке образованных из слияния однозначных слов устойчивых сочетаний речевым частям, классифицирует их как эквивалентные существительному, прилагательному, глаголу, обстоятельству и восклицания.

Фразеология также изучалась в других аспектах. В 1953-56 гг. Б.А. Ларин (Ленинградская школа) написал ряд научных работ по методам исследования фразеологии [4, с. 5-8]. Ученик и преемник Б.А. Ларина В.М. Мокиенко был вовлечён в исторический аспект фразеологии и фразеологии славянских языков.

С 1960-х годов советские лингвисты развивали область фразеологии и начали выпускать крупно масштабные одно и двухязычные фразеологические словари: А.И. Молотков (1967), В.Н. Телия (1995) выпустили одноязычные словари, В.Г. Гак, Я.И. Рецкер (1963, Французско-русский), Кунин (1967, англо-русский), Т.Е. Черданцева (1982, итальянско-русский), Е.И. Левинтова и Е.М. Вольф (1985, испано-русский) издали двуязычные словари.

Впервые Ш. Балли выявил стилистические возможности фразеологических единиц. Были лингвисты, которые также провели исследования в этом направлении. Например, А.И. Ефимов исследовал стилистически-функциональные особенности фразеологических единиц и предложил следующие принципы классификации: 1. фразеология, выполняющая познавательную функцию; 2. бытовая фразеология; 3. фразеология определения; 4. компаративная фразеология по универсальной, синтаксической роли; 5. номинативная фразеология [14, с. 264].

К.Ю. Алиев определил вес фразеологии как категорию в художественной литературе и раскрыл ее стилистические возможности.

В 1970-х годах фразеологию стали изучать в структурно-семантических аспектах (Chafe W. Meaning and the structure of language. Chicago, The Chicago University Press, 1970; Coseriu E. Principios de semantico structural, Madrid, Gredos, 1977).

В азербайджанской лингвистике Ч.Г. Гурбанов исследовал вариативность фразеологизмов; К.А. Мамедова провела исследование по проблеме синонимии фразеологизмов. А в русской лингвистике В.П. Жуков занимался семантикой фразеологических единиц.

Проблема соотношения фразеологических единиц с текстом была изучена в Европе Ф. Кулмасом, Дж. Страсслером, Б. Вотьяком. В Азербайджане этим вопросом занимались М.Т. Тагиев, Ф.Г. Гусейнов и С.Г. Мехтиева.

Синтаксические особенности фразеологических единиц изучал М. Гросс и его школа. Согласно Гроссу, все устойчивые выражения являются синтаксическими соединениями. В целях изучения степени их ассоциации на передний план выдвигаются мобильность и возможность замещения компонентов экспрессии.

М.Т. Тагиев и Ф.Х. Гусейнов на основе русского литературного материала исследуя лексические и грамматические особенности той или иной фразы и выражают, что фразеологическая единица полностью выражается в тексте.

С.Г. Мехтиева выступила в том же положении, исследуя текстовые особенности фразеологизмов на основе дилемм азербайджанского языка XVIII-XIX веков, и рассказала о качестве лексико-семантического взаимодействия текста с фразой.

С этой же позиции С.Г. Мехтиева изучила текстовые особенности фразеологизмов на основе материалов азербайджанского языка XVIII-XIX веков и рассказала о качестве

лексико-семантического взаимодействия текста с фразой.

Многие исследовательские работы посвящены сравнительному изучению фразеологии: Добровольский сосредоточился на переводе идиом и проблеме межъязыковой эквивалентности. Т.Ф. Федуленкова на основе трех германских языков (английского, немецкого и шведского) провела сравнительно-типологическое исследование и осветила явления изоморфизма и алломорфизма в материалах конкретных языков.

А.М. Мамедли сравнил образы на основе фразеологических единиц на русском и азербайджанском языках и А.К. Алекперов на азербайджанском и русском. А.Х. Гаджиева исследовала структурно-семантические особенности соматической фразеологии в английском и азербайджанском языках. Н.Ч. Велиева занималась лингвистическим анализом фразеологических сочетаний на английском, азербайджанском и русском языках. Г.Р. Садыхова изучила фразеологизмы религиозного происхождения на французском, азербайджанском и русском языках [7, с. 391].

Много работы было посвящено особенностям фразеологических единиц, используемых в конкретной работе. Г. Гресиано изучал фразеогенез дискурсов, а Зулуага Оспина функции фразеологизмов в литературных текстах. Н.Н. Баскакова исследовала фразеологизмы в литературной прозе русских писателей Н.Л. Златовратского и А.И. Левитова, С.Р. Хамид изучал структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов в прозе А.С. Пушкина, а Н.Н. Захарова изучала особенности фразеологизмов в работах В.М. Шукши.

Применение фразеологических единиц в художественной литературе достаточно освещено и в азербайджанской лингвистике. Н.А. Байрамов исследовал фразы Орхано-Енисейских памятников, фразеологизмы эпосов Деде Коргуд, относящихся к турецкому языку, в книге «Дивани-лугат-ат-тюрк» ("Диван тюркских языков") Махмуда аль-Кашгари. Фразеологией эпоса «Деде Коргуд» также занимался Э. Алибейзаде. Его мнение о том, что «роль фразеологизмов в изучении истории и языка народа имеет большое значение» в статье «Язык Дада Горгуда» совпадает с нашей точкой зрения. Автор показывает, что фразеологические единицы, используемые в эпосе, как языковая единица происходят из фольклорно-сказочных сказаний, древнетюркских слов, пословиц и поговорок.

Н.Ф. Сейдалиев исследовал фразеологизмы, применяемые в азербайджанских эпосах и сказках, изучил их лексико-грамматические и стилистические особенности и на основе полученных результатов подготовил фразеологический словарь.

По словам С. Мехдиевой, занимающейся изучением фразеологических выражений на языке А. Бакиханова, основной источник фразеологии - народные выражения.

Р.Д. Магеррамова исследовала фразеологические единицы, использованные в сатирах Сабира, М.Н. Муртузаев изучал фразеологию комедий М.Ф. Ахундова.

Исследование фразеологических единиц также отражено в кандидатской диссертации М. Мамедова «Лексика и фразеология прозаических произведений Н. Нариманова». Автор отмечает, что в работах Н. Нариманова использовано 1500 фразеологических выражений.

М.И. Адиллов исследовал фразеологические единицы и их стилистические особенности, используемые в классической литературе Азербайджана, произведениях Физули, Дж. Мамедгулузаде, М.А. Сабира.

К.С. Кязимов исследовал фразеологию драматического языка А. Ахвердиева, М. Абдуллаева изучала глагольные фразеологические соединения в языке Вагифа.

Как видим, фразеология хорошо исследована в вышеуказанных аспектах.

В последние годы фразеологию начали исследовать в лингвокультурологическом аспекте, который стал актуальным в современной лингвистике (А.В. Уразметова «Лингвокультурологический аспект топонимов в составе фразеологических единиц», 2006; М.Л. Ковшова. - Семантика и прагматика фразеологии в лингвокультурологическом аспекте, 2009; В.С. Самарина. Гендерные проблемы во фразеологии (когнитивно-лингвокультурологический аспект, 2010; М.К. Соколова. Мировая фразеология, 2010; Т.А. Зуева. Лингвокультурологический аспект анализа модели фразеологизмов, 2012; Г.З. Улухучаев. Лингвокультурологический аспект фразеологических единиц в узбекском языке, 2016 и др.).

В лингвокультурологических исследованиях "мы видим очень чёткое и яркое отражение жизни и быта, традиций и национальной психологии во фразеологической системе языка". Наша исследовательская работа была выполнена собственно в этом аспекте.

Согласно принципам, принятым в современной лингвистике, язык не представляет окружающий нас мир, язык отражает восприятие мира носителя национального языка. В лингвистике это явление также употребляется как термин «концептуализация». Как средство общения и понимания мира, язык также можно рассматривать как культурный код нации. Уместно вспомнить, что говорил Эльмслевин около полувека назад: «Язык как система знаков является ключом доступа к психологии человека. Язык отражает характер нации».

В.Н. Телия считает, что «фразеологические сочетания отражают образы окружающей действительности на национальных языках, историю, духовную и повседневную жизнь языкового коллектива. Эти выражения связаны с культурными традициями народа, поскольку предмет номинации и речевой деятельности является предметом национальной культуры [11, с. 242].

Фразеологические выражения - национальные лексические единицы, которые отражают красоту, многообразие и дух каждого языка. «Фразеологические сочетания отражают ум и знания людей, радость и печаль, любовь и ненависть, смех и слезы».

Язык отражает основные этапы культурного развития народа. Уровень культуры определяется степенью развития языка. Во фразеологических единицах отражены этнические и специальные понятия. Поэтому исследование фразеологических единиц позволяет ознакомиться с особенностями национальной культуры и национального мировоззрения. «Фразеологические сочетания отражают национальные особенности и моральные ценности носителей языка».

В.Н. Телия считает, что «именно национально-культурные стереотипы являются основой формирования фразеологических сочетаний в языке» [12, с. 288].

По словам В.В. Виноградова, «слова, являющиеся признаком человеческого разума и всех эмоциональных состояний, в которых они живут, тесно связаны с нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью» [2, с. 294].

По нашему мнению, главным условием изучения фразеологических единиц является тщательное осознание их значения и привитие им национально-культурного разнообразия.

Язык как форма национальной памяти образует единую систему. У каждого этноса есть свои нормы и правила. Изучая эти нормы и правила, мы изучаем не только язык, но и характер, и культуру этого этноса. Определение национального характера – одна из самых актуальных проблем современности. Эта проблема является предметом исследования для многих ученых - лингвистов, этнологов, социологов, психологов, культурологов и специалистов, занятых в других областях. Этнологи рассматривают национальный характер как комбинация менталитета (психических сознаний) народа. Значимость языка для определения национального характера каждой нации неоспорима. Лингвисты, занимающиеся этим вопросом, определили роль и место людей в формировании мировосприятия (менталитет). По мнению З.Д. Поповой и И.А. Штерна, «национальное мышление» и «национальный характер» сосредоточены в человеке: национальное мышление связано с познавательной активностью человеческого разума, а национальный характер связан с психоэмоциональной деятельностью человека, и это, в свою очередь, проявляется в национальном поведении.

Таким образом, роль национального характера в создании глобальной языковой картины неоспорима. Одним из факторов, непосредственно влияющих на национальный характер людей, является психоэмоциональная активность личности. Многие факторы влияют на психоэмоциональное состояние человека. Н.М. Фирсова считает, что «влияние географии и климата, национальных традиций, религиозных верований и национальной культуры отражается на психоэмоциональном состоянии людей и в коммуникативной деятельности людей».

На протяжении всей жизни человек создаёт для себя концептуальную систему, которая воплощает объективный мир. Эта система отражается в языке и формирует языковую картину мира. Каждый язык играет активную роль в создании всеобщей языковой картинки

и добавляет к нему свои уникальные вложения. Таким образом, в человеческом разуме создаётся картина мирового языка на основе определённых представлений о мире. Языковая картина мира состоит из этнических компонентов. Она отражает историю, культуру, традиции, верования и национальные особенности каждого народа. Мировые картины, которые создают и отражают национальные языки, различны. Это, с одной стороны, связано с реальной жизнью этноса, а с другой - с национальным характером этноса.

Концептуальная картина мира гораздо богаче языка. Различные формы восприятия, в том числе невербальные формы восприятия, участвуют в создании концептуальной картины.

Недавние исследования в области современной лингвистики в этом направлении и усилия по созданию глобальной языковой картины могут быть связаны с развитием и актуализацией когнитивной парадигмы в лингвистике. Исследование языка в когнитивном аспекте предполагает изучение способов выражения определённых понятий в языке и их семантической мотивации. Таким образом, основная цель исследований в когнитивном аспекте заключается в установлении связи между синхронностью и диахроничностью, а также в изучении форм выражения конкретных понятий на определённом языке и факторов, влияющих на эти выражения.

Следует также отметить, что В.Н. Телия справедливо заявила следующее: «в языке есть выражения, которые связаны с национальными и культурными стереотипами». Эти стереотипы являются неотъемлемой частью мировой языковой картины. Слова и выражения, которые именуют эти стереотипы в каждом конкретном языке, создают отдельное языковое представление каждого отдельного языка.

Роль фразеологизмов в создании мировой языковой картины неоспорима. Именно во фразеологическом составе языка в полной мере отражаются национально-нравственные ценности, нормативно-этические правила и традиции нации. Эти особенности, наряду с приобретением определённых знаний об этносе, также предоставляют широкие возможности для создания языковой картины во всем мире, так мировая фразеология является неотъемлемой частью мировой языковой картины.

Таким образом, одним из основных направлений современной фразеологии является создание мировой фразеологической картины. Для достижения этой цели необходимо изучить фразеологические системы каждого языка в отдельности и в сравнительных аспектах.

Фразеологическая единица, являющаяся объектом изучения фразеологии- «форма выражения объективной реальности в сознании носителей языка». Фразеологические единицы - это «многомерные структуры, которые продуманы и пережиты носителем языка и состоят из эмоций, специфической культуры и национальных коннотаций». Фразеологический уровень языка в полной мере отражает познавательный и эмоциональный опыт этноса и «отражает особенности мышления нации».

В рамках новой парадигмы, фразеологические единицы следует изучать в лингвокогнитивном аспекте. При рассмотрении этой парадигмы фразеологическая единица воспринимается как информативный языковой знак, отражающий культуру людей.

Говоря о новой парадигме, фразеологизм является практически отражением культурного пространства языка как ментальных единиц, которые воплощены в национальном сознании и национальной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов, Р.А. Человек и его язык. Вопросы языкознания / Р.А. Будагов. – М., 1970. – № 6. – С. 3–14.
2. Виноградов, В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции / Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 288–294.
3. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения / С.Г. Гаврин. – Пермь, 1974. – 296 с.
4. Ларин, Б.А. О методах изучения фразеологических сочетаний (тезисы). Научная сессия 1953–1954 гг. / Тезисы докладов по секции филологических наук / Б.А. Ларин. – Л., 1954. – С. 5–8.

5. Мамедова, К.А. Фразеологические синонимы в современном азербайджанском литературном языке: автор. канд. дис. / К.А. Мамедова. – Ашхабад, 1983.
6. Садыхова, Г.Р. Библиейская фразеология во французском, азербайджанском и русском языках / Г.Р. Садыхова. – Баку, 2012. – 332 с.
7. Садыхова, Г.Р. Фразеология, восходящая к Библии и Корану / Г.Р. Садыхова. – Баку, 2014. – 391 с.
8. Садыхова, Г.Р. Фразеология религиозных источников: автореф. докт. дисс. / Г.Р. Садыхова. – Баку, 2015. – 88 с.
9. Тагиев, М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка / М.Т. Тагиев. – Баку: Маариф, 1966. – С. 40–55.
10. Тагиев, М.Т. Окружение фразеологизма и слова / Труды Самаркандского Государственного Университета им. Алишера Навои, вып. № 178. Вопросы фразеологии / М.Т. Тагиев. – Самарканд, 1970. – С. 21.
11. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 242 с.
12. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – Л., 1963. – 156 с.
14. Bally Ch. Traité de Stylistique française, vol. I, Librairie Georg and Cie, Genève, 1951, 264 p.
15. Bréal M. Essai de sémantique (Science des significations), Paris, Hachette, 1924
16. Gross M., “Les limites de la phrase figée”, *Langages* 90, 1988, p. 7-22.
17. Mejri S., “Le figement lexical. Descriptions linguistiques et restructuration sémantique”, Tunis, Publications de la Faculté des lettres de la Manouba, 1997.
18. Saussure F.(de), Cours de linguistique générale, Paris, Payot, 1974, 510 p.

Материал поступил в редакцию 06.11.20

THE MAIN DIRECTION OF RESEARCH IN MODERN PHRASEOLOGY

V.F. Aliyeva, Senior Lecturer of French Language,
 Doctoral Candidate of Romance Languages
 The Faculty of French Philology
 Azerbaijan University of Languages (Baku), Azerbaijan

Abstract. *As we know, despite the fact that phraseological units started to be used in old times, they are considered to be the youngest investigation object of linguistics. The rich nature of the phraseological unites gives huge opportunities to research them from different directions. The researches and propositions of various European, as well as Azerbaijani linguists related to the classification of phraseological units have been marked thoroughly in the article. Great attention has been given to the study of phraseology from linguocultural and cognitive aspects which are relevant to modern linguistics, and the records of the linguists have been illustrated. The role of the phraseological units in the establishment of the world language is undeniable. Since the language defines main stages of cultural development of the nation, ethnic and private concepts are reflected in the phraseological units. So, the investigation of the phraseological units provides an opportunity to get to know better the features of the national culture and national world view. In the frame of new paradigm phraseological units have to be investigated from the linguo-cognitive aspect. When addressing to this paradigm a phraseological unit is accepted to be an informative language symbol reflecting the culture of a nation.*

Keywords: *phraseological units, language symbol, cognitive aspects, linguocultural aspects.*

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОТОБРАЖЕНИЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА В ТРИЛОГИИ Э. БАЗЕНА «СЕМЬЯ РЕЗО»

Е.И. Свиридова, аспирант факультета романо-германской филологии
Воронежский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются словообразовательные средства актуализации авторского концепта отрицания в трилогии Э. Базена «Семья Резо». Проводится анализ основного концепта-оппозиции трилогии. С позиции теории фокализации рассматриваются способы вербализации основного концепта-оппозиции трилогии комплексными знаками с префиксами *dé-* и *in-*, проводится анализ отличительных особенностей словообразовательных параметров комплексных знаков.*

***Ключевые слова:** концепт-оппозиция, внутренняя и внешняя фокализация, вербализация, комплексный знак, префикс, словообразовательное значение.*

В данной статье рассматриваются особенности вербализации конфликтов трилогии Э. Базена «Семья Резо» средствами словообразования. Целью исследования является выявление закономерностей, касающихся соотношения словообразовательных характеристик комплексных знаков и специфики авторского концепта отрицания. Интерес для нашего исследования представляют комплексные знаки, построенные по словообразовательным моделям с использованием французских префиксов *dé-* и *in-* типа [dé + V] V, [in + N] N, [in + Adj] Adj и т. д., где префикс *dé* обладает такими регулярными значениями, как адверсативное, привативное и сепаративное значения, а регулярное значение префикса *in* – адверсативное.

Для достижения поставленной цели необходимо обратиться к доминирующим в тексте смыслам, которые позволят проанализировать особенности авторского мышления и специфику её отражения в языке автора средствами словообразования.

Центральным концептом исследуемой трилогии Э. Базена «Семья Резо» является концепт «отрицания»: главный герой трилогии Жан Резо отрицает связь с семьёй, отказывается принимать общественные устои. Отрицание – это катализатор возникновения конфликтов трилогии.

Центральным противостоянием является конфликт Жана Резо и его матери. Главный герой описывает мать как тирана, с которым он неразрывно связан: мать является частью его внутреннего мира, и, соответственно, частью его внутреннего конфликта. На протяжении трилогии герой стремится разорвать связь с матерью, идя наперекор её мнению, вступая с ней в открытые противостояния.

Конфликт матери и сына – это непрерывный диалог героя с самим собой, непрерывное стремление искоренить в себе те привычки и мысли, которые существуют в его голове «по праву крови», постепенное избавление от которых приводит главного героя к становлению собственного мирозерцания.

Мать главного героя является главным представителем семьи Резо, хранителем традиций знатного рода. Противостоять матери для Жана Резо означает противостоять всей семье Резо. Выделение себя из семейного круга – это способ утверждения своей индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что конфликты разворачиваются на нескольких уровнях повествования. Во-первых, на уровне бытовом, т. е. конфликт поколений демонстрируется на примере конкретной семьи Резо. Во-вторых, концепт противопоставления проявляется

на глобальном уровне: общество, частью которого является семья Резо, меняется по причине войн и революций, в результате которых на первый план выходит молодое поколение с новыми понятиями о любви, семье и обществе.

На базе основных конфликтов трилогии Э. Базена «Семья Резо» центральным мы считаем конфликт главного героя и его матери по причине того, что именно данный конфликт является движущей силой сюжета, основной причиной большинства решений и поступков главного героя, который является постоянным участником конфликта. С точки зрения авторского концепта отрицания мы определяем данный конфликт как концепт-оппозицию **герой – мать** [2]. Данный концепт-оппозиция занимает центральное место в трилогии, что и выражается в наиболее частотном употреблении словообразовательных средств, выражающих отрицание. Жан Резо является постоянным участником конфликта, представленного данным концептом-оппозицией, вследствие чего, мы наблюдаем высокую частотность вербализующих его комплексных знаков. Вследствие чего, особенности словообразовательных средств вербализации конфликта в рамках внутренней и внешней фокализации мы будем рассматривать на примере центрального концепта-оппозиции трилогии **герой – мать**.

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить следующие особенности трилогии:

- 1) повествование ведётся от первого лица;
- 2) основным двигателем сюжета и причиной развития главного героя является конфликт.

Для достижения поставленной цели также необходимо представить трилогию «Семья Резо» с позиции теории фокализации.

Под фокализацией, вслед за Ж. Женеттом, мы понимаем «ограничение поля, выбор нарративной информации по отношению к тому, что обычно называют всеведением» Ж. Женетт выделяет три типа фокализации: 1) нулевой тип фокализации по Ж. Женетту – это рассказ со «всезнающим» нарратором; 2) внутренняя фокализация – это повествование с точкой зрения воспринимающего субъекта, находящегося внутри повествования; 3) внешний тип обозначает восприятие того, на что или на кого направлен взгляд повествователя.

Фокализации – это способ организации в художественном произведении зрительной перспективы как особого уровня повествования, соотносимого с другими уровнями в рамках общей структуры художественного текста. «Точка зрения» является точкой, промежуточной точки между текстом и историей, в которой процесс вербализации слова замещается его воплощением в образах [4].

События трилогии представлены читателю с точки зрения, «я» комментирующего, т.е. личности, стремящейся рассказать о себе. В случае «я» комментирующего, читатель оказывается полноценным свидетелем происходящего, действующим вместе с рассказчиком [1].

В результате проведенного исследования было установлено, что существует определенная закономерность соотношения типа фокализации и типа репрезентации концепта-оппозиции. В частности, внутренняя фокализация демонстрирует субъективную оценку событий главным героем. Жан Резо предоставляет читателю набор ассоциаций, подчеркивающих основные конфликты произведения. Соответственно, точка зрения на конфликт с позиции внутренней фокализации, является **внутренним конфликтом** героя.

В трилогии также отмечается факт наличия внешнего типа фокализации. В данном случае речь идет о **внешнем конфликте**, проявляющемся в открытых действиях персонажей, направленных на борьбу; в прямолинейной негативной оценке героем событий и людей.

Перейдем к анализу словообразовательных средств вербализации анализируемого концепта-оппозиции.

Приведём примеры вербализации концепта-оппозиции **герой – мать** с позиции внешней фокализации. Словообразовательные параметры исследуемых КЗ выглядят следующим образом: слабая идиоматичность, эксплицитное словообразовательное значение, полная словообразовательная мотивация [3]. Иначе говоря, нас интересуют КЗ с регулярными значениями префиксов.

Рассмотрим глагол *déplaire* в следующем контексте:

Ainsi tu t'es toi-même prêtée à notre jeu. Tu ne pouvais pas ne plus t'y prêter. Et puis, ça ne te déplait pas, ma tendre mère! (Таким образом, ты сама вовлекала нас в игру. И уже не могла от нее уклониться. Да, такие дуэли тебе самой нравились, дражайшая мамочка!)

Данный пример показывает характер конфликта матери и сына. В данном контексте глагол *déplaire* означает *не быть противным, нравиться*. Мать получает удовольствие от участия в конфликте с сыном, что вызывает у Жана Резо отрицательные эмоции, так как он стремится продемонстрировать превосходство над матерью.

Глагол *déplaire* демонстрирует регулярное значение *ne pas plaire; causer du dégoût, de l'aversion* или *не нравиться; вызывать отвращение*. СЗ в данном примере формулируется следующим образом: *совершить действие обратное обозначенному производящей основой*. Соответственно, значение префикса *dé* мы определяем, как адверсативное.

Рассмотрим существительное *injuste* в следующем примере из текста:

Grand-mère, le protonotaire, la gouvernante avaient pu nous paraître durs, quelquefois, mais injustes, jamais. (Бабушка, протонотарий, гувернантка иной раз казались нам слишком строгими, но несправедливыми – никогда!)

Главный герой противопоставляет приёмы воспитания бабушки и матери, обвиняя мать в несправедливости. Существительное *injuste* использовано в исходном значении – *qui n'est pas conforme à la justice, à l'équité* или *то, что не соответствует справедливости*. СЗ может быть сформулировано следующим образом: *отсутствие признака, обозначенного производящей основой*. Значение префикса *in* в данном примере мы определяем, как адверсативное.

Приведём примеры вербализации анализируемого концепта-оппозиции с позиции внутренней фокализации.

Глагол *découvrir*, регулярное значение которого *dégarnir de ce qui couvrait* или *убрать то, что скрыто*, употреблён в следующем контексте:

Notre mère, satisfaite, découvrit deux dents d'or, ce que, dans notre candeur, nous primes immédiatement pour un sourire à notre adresse. (Наша мать удовлетворенно ухмыльнулась, **обнажив** два золотых зуба, и мы, в простоте душевной приняв эту усмешку за материнскую улыбку, в восторге бросились к вагонной двери.)

Исходя из контекста, мы можем утверждать, что глагол *découvrir* характеризует действие, направленное не на *открытие того, что скрыто*, а на *преднамеренную демонстрацию*: мать, подобно дикому зверю, демонстрирует свой оскал – она заведомо занимает позицию лидера. Несмотря на то, что изначально герой воспринимает демонстрацию золотых зубов, как радостную улыбку матери, в последствии, анализируя этот момент, герой приходит к выводу, что улыбка являлась ничем иным, как выражением пренебрежения и отстранения. В данном случае речь идет о производном значении глагола *découvrir*. Компонентный анализ показывает, что семантическое развитие комплексного знака происходит по схеме, соответствующей типу 2 [3]. В данном случае мы констатируем наличие следующих словообразовательно-семантических характеристик глагола: затемненная словообразовательная мотивация, значительная идиоматичность, имплицитность словообразовательного значения. Префикс теряет свое регулярное значение в глаголе, претерпевающим опрощение.

Прилагательное *inconnu* имеет регулярное значение, закреплённое словарём, *qu'on ne connaît pas – то, что неизвестно*.

Приведём пример из контекста:

*Je ne vous aime ni ne vous déteste. C'est pire; je ne vous sens pas, je me sens né de mère **inconnue**.* (Я вас не люблю, я вас не ненавижу. Хуже другое: я вас не чувствую, я чувствую себя рожденным от неизвестной мне матери.)

Из контекста ясно, что главный герой имеет в виду не *неизвестную мать*, т. е. мать, которую он никогда знал, а мать *чужую*. Для главного героя мать оказывается *чужой* по причине того, что она не проявляет к нему любви, она не стремится понять его, она не считается

с его мнением. Поэтому главный герой называет её *чужой*, по отношению к которой нет необходимости испытывать эмоции – ни положительные, ни отрицательные. Префикс *in-* в данном случае теряет своё регулярное значение, семантические процессы, происходящие в данном случае аналогичны процессам, имеющим место в предыдущем примере.

В результате классификации ряда словообразовательных средств, соответствующих вербализации концепта-оппозиции **герой-мать** в рамках внешней и внутренней фокализации, мы можем сделать следующие выводы:

1. Концепт-оппозиция **герой – мать** в рамках внешней фокализации представлен КЗ с регулярными значениями префиксов. Индивидуальные особенности восприятия изучаемого конфликта главным героем не проявляется на фоне регулярных значений, исследуемых в контексте.

2. Переосмысление комплексного знака происходит при рассмотрении конфликта с позиции внутренней фокализации. Индивидуальные особенности восприятия конфликта с матерью главным героем всецело выражены КЗ, идиоматичность которых оказывается значительной, словообразовательное значение – неэксплицитным.

Таким образом, переход концепта-оппозиции из сферы внешней фокализации в сферу внутренней фокализации влечет за собой идиоматизацию комплексного знака, индивидуализацию лексического значения, которое приходит на смену словообразовательному. Все это свидетельствует о закономерных связях, существующих между функционированием авторского концепта в художественном тексте и словообразовательно-семантическими средствами его репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корниенко. Типология рассказчика и проблемы перевода / Корниенко // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2011. – № 4 – С. 70–77.
2. Полянчук, О.Б. Лексические средства вербализации антонимических отношений в трилогии Эрве Базена «Змея в кулаке» / О.Б. Полянчук, Е.И. Свиридова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1.
3. Полянчук, О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте: автореферат дис. ... доктора филол. наук / О.Б. Полянчук. – Воронеж, 2009. – 42 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – Н.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Материал поступил в редакцию 27.10.20

FEATURES OF WORD-FORMING MEANS OF DISPLAYING EXTERNAL AND INTERNAL CONFLICT IN H. BAZIN'S TRILOGY "THE REZEAU FAMILY"

E.I. Sviridova, Postgraduate of the Faculty of Romano-Germanic Philology
Voronezh State University, Russia

Abstract. *The article deals with word-forming means of actualization of the author's concept of negation in the trilogy of H. Bazin "The Rezeau Family". The main concept-opposition of the trilogy is analyzed. From the point of view of the theory of focalization, the methods of verbalization of the main concept-the opposition of the trilogy by complex signs with the prefixes dé- and in-, are considered, and the distinctive features of the word-educational parameters of complex signs are analyzed.*

Keywords: *concept-opposition, internal and external focalization, verbalization, complex sign, prefix, word-formation meaning.*

UDC 81'37

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES
OF RUSSIAN AND ENGLISH INTERJECTIONS

A.B. Peshkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
at the Department of English Language of Humanitarian Faculties
Faculty of Romano-Germanic Philology
Voronezh State University, Russia

Abstract. *This article presents a comparative analysis of various types of Russian and English interjections. According to their origin interjections of both languages were divided into primary and derived. According to functional and semantic characteristics, Russian and English interjections are emotional, etiquette, and imperative. Besides, the structural and etymological features of interjections were studied, and the most frequently used types of analyzed units in the compared languages were determined.*

Keywords: *interjection, primary interjections, derivative interjections, emotional, etiquette, imperative, structure.*

Interjections are unchangeable words, which are neither notional nor functional parts of speech, but serve only for the expression of the speaker's emotions, feelings, experiences. That's why, unlike other parts of speech, in their interpretation in dictionaries the communicative intention, that is the speaker's aim, which he may pursue while pronouncing one or another interjection, is in fact registered (expression of joy – *Ha!*, *Ah!*, fear – *O God!*, *O Bozhe moy!*, admiration – *Wow!*, *Ukh-ty!*, disappointment – *Boo!*, *Oh!*). Most interjections are polysemantic, that's why their meaning is determined from the context, in the process of speaking and also with the help of paralinguistic factors.

In spite of the fact that interjections are the main means to express people's emotional attitudes and reactions to the social reality, so many conflicting opinions haven't been given about any grammatical category. Consequently, it seems appropriate to elicit, describe and systematize the main characteristics of Russian and English interjections.

One thousand of Russian and one thousand of English interjections, extracted by the method of continuous sampling from fiction and feature writings of modern Russian and English-speaking, mainly American writers, were the data for study.

From the viewpoint of their origin English and Russian interjections are divided into primary and derivative. Primary interjections don't usually have a denotative meaning. They consist of one or two-three sounds (sometimes repeated): *Ukh!*, *O!*, *Ogo!*; *Bah!* *Gosh!*, *Wow!*, *Ah!* and others. Derivative interjections are composed of autonomous words which lose their main meaning and are pronounced with a strong emotionally expressive overtone: *Heavens!*, *Good Gracious!*, *Dear me!*; *Gospodi!*, *Chyort!* and others.

Within the framework of the analyzed material it was found out that primary interjections are used quite rarely both in the Russian and English languages (30 % and 20 % correspondingly): «*Ekh-kha!*» *vydokhnul iz sebya otets* (A. Titov "The Life that wasn't"); "*Oye! It's a pretty important part!*" *the officer defended* (D. Brown "Digital Fortress").

As to derivative interjections, they are used quite often (80 % in English and 70 % in Russian): **“Bloody hell!”** *he shouted, jumping backward* (D. Brown “Angels and Demons”); *But I turn back. “Paul!” I yell. “Come on!”* (I. Caldwell “The Rule of Four”); **Nu chto vy! Kakaya mifologiya?** (M. Kuraev “The Runaway Cameraman’s Memoirs”), **“Vot imenno! Vot imenno!”** *krichit mama* (G. Shcherbakova “An actress and a Policeman”).

In terms of structural and etymological peculiarities it is necessary to mention that most English interjections (48 %) correlate with notional parts of speech – one-member interjections: **Shit!, All right!, Jesus!, God!, Heavens!**

English interjections can also correlate with:

a) word combinations (17 %): **Out! Out! Damned management! Out!** (M. Crichton “Disclosure”); **Good heavens!** *Donald exclaimed in mock amazement* (F. Raphael “The Glittering Prizes”); **“Sweet Jesus!”** *Langdon cried, stumbling back in horror* (D. Brown “Angels and Demons”);

b) the whole sentences (15 %): **Well, I’ll be god damned!** (C. Bukowski “Bop Bop against that Curtain”); *“He was employed by very powerful people”. “I don’t give a shit!”* (M. Connelly “The Last Coyote”).

And only 20 % of English interjections don’t correlate with any notional words: **Hah!** (J. Varley “Steel Beach”); **Chuh!** *Look at it* (C. Bukowski “A Man”); *Suddenly, her eyes widened and she gasped, “Oh!”* (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”).

As regards Russian interjections, they can correlate with:

a) word combinations (40 %): **Gospodi pomiluy!** (V. Glotser “M. Durnovo”); **Bog s nimi!** (M. Butov “Freedom”); **Vot tak!** (B. Ekimov “Life stories”);

b) notional words (17 %): **Gospodi! Zanovo zhizn’. Gospodi!** (A. Slapovskiiy “The Day of Money”); **Dudki!** (M. Butov “Freedom”); **Molodets!** *Klassno vyglyadish’* (V.S. Makanin “Without Policy”);

c) sentences (13 %): **Eto zh nado!** (G. Shcherbakova “An actress and a Policeman”); **Da chto ty govorish’!** (S. Shargunov “Hurrah!”), **Chto i trebovalos’ dokazat’!** (A. Slapovskiiy “The Day of Money”).

However, in the Russian language there are interjections which don’t correlate with any notional words (30 %): **«A!»** – *uznala ona* (G. Shcherbakova “An actress and a Policeman”); **Okh-kho-kho!; Vo!** (M. Butov “Freedom”); **Ha! Ha! Ha!** *Milo tantsevat’* (M. Kundera “The Exchange of Opinions”).

It should be pointed out that traditionally English and Russian interjections are divided into two lexico-grammatical classes according to their functionally semantic properties:

1) emotional which directly express speaker’s feelings and emotions: **Gosh!, Wow!, Ah!, Bah!, Dear!, Shit!, Akh!, Ay!, O!** and others;

2) imperative (hortatory) – close to the imperative mood and manifesting a range of similar characteristics with it; these interjections express an order or a command to the addressee: **Scat!, Help!, Encore!; Ayda!, Alle!** and others.

At present there is a widely spread point of view (Blokh M.Ya.,2000; Kobrina N.A., 2000 and others) according to which there is the third class of interjections – etiquette which express gratitude, greeting, apology, wishes: *Zdravstvuyte!, Hello!, Bye!* and others.

As the results of the investigation show, most English and Russian interjections belong to the emotional type (60 % and 55 % correspondingly): *“No, Greg, I’m sorry. I just can’t let you go.” Hale choked in apparent shock. “What!”* (D. Brown “Digital Fortress”) – ‘expression of unpleasant surprise, displeasure, anger’; *The silhouettes turn, hearing our approach. “Damn!” Charlie barks shielding his eyes* (I. Caldwell “The Rule of Four”) – ‘expression of anger, rage’; **“Wow! That’s one hell of a place,”** *Brad said, “I could count at least six fireplaces and there’s probably twelve rooms on the second floor”* (N. Mullin “Georgia Republic on my Mind”) – ‘expression of admiration, delight’; **I-ekh!..** *On pokhoronku na nas gotovit!* (A. Azolsky “Raider”) – ‘expression of disappointment, sadness’; **V Boga mat’!** *S takoy zhizn’yu! Vseh vas...* (B. Ekimov “Life Stories”) – ‘expression of anger, rage, fury, indignation’; **“Ah!”** – *voskliknula Galina Vasil’evna, podskochila*

k rebyonku i prizhala k sebe (V. Zalotuha “The Last Communist”) – ‘expression of fear, fright’.

Far fewer interjections belong to:

a) the etiquette type (23 % in Russian and 21 % in English): *Privet! U tebya vsyo v poryadke?* (A. Slapovsky “The Day of Money”), *Spasibo! Do svidaniya!* (R. Senchin “Nubuck”). *Prosti! Ya deictvitel’no poryu chush’* (G. Shcherbakova “An actress and a Policeman”); *Hi! How you doin’?* (C. Bukowski “A Man”), “*At least take this,*” *I offer, unzipping the peacoat. He smiles. “Thanks!”* (I. Caldwell “The Rule of Four”); “*Congratulations! We’ve already sold most of the paintings!*” (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”);

b) the imperative type (22 % in Russian and 19 % in English): *Tsyts!* (A. Titov “The Life that wasn’t”); “*Von!*” – *skazal eyo golos. – “Von!”* (G. Shcherbakova “An actress and a Policeman”); *Ya shla, rasshvyrivaya vseh “Ksh! Ksh!”* (V. Glotser “M. Durnovo”); “*Whoa! Whoa!*” *I roared. “Quit that! What’s it all about, anyway?”; “Come on!” I said* (S. King “The Green Mile”); “*Heave!*” *one of the NASA men yelled* (D. Brown “Deception Point”).

However, the results of the research have shown that in communication one interjection usually expresses several emotions collectively. This causes functional hybridity, when, for example, emotional interjections simultaneously fulfill the functions of the imperative ones, for example: *Finally, at 1:30a.m. I could submit no longer. I had been listening since 7 a.m. My shit was blocked for Eternity. I felt that I had paid for the Cross in those eighteen and one-half hours. I managed to turn around. “Herb! For Christ’s sake!”* (C. Bukowski “South of no North”). In this case the speaker expresses not only irritation, anger, rage about the fact that Herb has turned on the TV too loudly, but also orders him to stop doing this. Or: *Perepachkannyi glinoy, ya molchal: «Nu!» – zykнул na menya starshina* (A.N. Varlamov “Float”). In this case the speaker orders the soldier to answer his question and at the same time expresses discontent, anger, rage.

So according to their structural and etymological peculiarities English interjections mostly correlate with notional words (48 %), word combinations (17 %), sentences (15 %). Russian interjections most often correlate with word combinations (40 %) and more rarely – with notional words (17 %).

The analysis of their functionally semantic characteristics has shown that both in the English and Russian languages emotional interjections are used most often (60 % in English and 55 % in Russian), because it is them that are the main means to express the person’s emotional reaction.

In communication one interjection usually expresses several emotions together which causes functional hybridity of the speech acts represented by them.

REFERENCES

1. Блох, М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. A Course in Theoretical English Grammar: учебник. 4-е изд., испр. / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2007. – 423 с.
2. Кобрина, Н.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие / Н.А. Кобрина, Н.Н. Болдырев, А.А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.

Материал поступил в редакцию 03.10.20

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ

А.Б. Пешкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета романо-германской филологии Воронежский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье представлен сопоставительный анализ различных видов русских и английских междометий. По происхождению междометия обоих языков были разделены на первичные и производные. По функционально-семантическим характеристикам русские и английские междометия бывают эмоциональными, этикетными и императивными. Кроме того, были изучены структурные и этимологические особенности междометий, а также определены наиболее часто используемые виды анализируемых единиц в сопоставляемых языках.*

***Ключевые слова:** междометие, первичные междометия, производные междометия, эмоциональные, этикетные, императивные, структура.*

════════════ Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics ════════════
 ════════════ Сравнительно-историческое, типологическое ════════════
 и сопоставительное языкознание

УДК 811.111

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ СЛОВ «SPACE» И «ПРОСТРАНСТВО» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

О.А. Радчук¹, В.К. Аубакирова²

¹ кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, ² магистрант
Костанайский государственный университет, Казахстан

***Аннотация.** Изучение концептов в науке позволяет рассматривать слово не только в контексте мышления и речи, но и культуры. В лингвокультурологии активно изучается огромное количество концептов. Концепт изучается как устойчивая языковая или авторская единица, имеющая традиционное выражение в культурной лингвистике. В данной статье анализируются концепты Space и Пространство в английской и русской лингвокультурах. Исследование вышеупомянутых концептов вызывает интерес среди исследователей, поскольку они включают в себя разный спектр трактований их содержания. Настоящее исследование дает возможность проанализировать результаты, полученные в ходе изучения понятийного аспекта концептов, представленных в разных культурах и посредством сопоставительного анализа выявить их сходные и отличительные составляющие. Изученный материал в статье может применяться в лекционных курсах по лексикологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.*

***Ключевые слова:** концепт, понятийный аспект, лингвокультурный признак, Пространство, Space.*

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «концепт» в современной лингвокультурологии, начиная со своего появления в науке, претерпело значительные изменения. Однако это понятие было исследовано многими учеными-лингвистами и укоренилось в науке, как базовая ментальная единица лингвокультурологии, передающая отпечаток культуры и жизненный уклад народа. Концепт отображает языковую картину мира. А. Вежбицкая дает классическое определение этому понятию, которое имеет название и «отражает культурное представление действительности [2, с. 549]. Следующее определение предлагает Ю.С. Степанов. Он представляет себе каждое слово, как составное из «значения» и «смысла». Значением в данном случае является весь объём понятия, а смыслом и является сам концепт [5, с. 42]. В.И. Карасик для полного понимания концепта предлагает уникальную классификацию: исследование в «понятийном, образном и ценностном аспектах» [3, с. 78]. Для понимания концепта с точки зрения лингвокультурологии в языковой картине мира англичан и русских обратимся к понятийному аспекту изучения концептов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В качестве предмета исследования мы использовали концепт «Space» (Пространство).

В английском языке для определения понятийного аспекта концепта «Space» были использованы:

– этимологические словари английского языка (Weekley's «An Etymological Dictionary of Modern English», Klein's «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language», «Oxford English Dictionary» (second edition), «Barnhart Dictionary of Etymology», «Историко-этимологический словарь современного английского языка М.М. Маковского»);

– толковые и энциклопедические словари английского языка («Cambridge dictionary», «Merriam-Webster Dictionary», «Oxford Advanced Learner`s Dictionary», «Collin`s Dictionary», «Macmillan Dictionary»).

В качестве примера понятийной составляющей лингвокультурного концепта рассмотрим существительное Space – имя соответствующего концепта в английской культуре. Для выявления внутреннего значения концепта были исследованы этимологические статьи английского языка, согласно которым, слово «Space» в 13 веке заимствовано из древнефранцузского «*espace*» (пространство, период времени, расстояние, интервал), куда оно пришло от латинского «*Spatium*» (комната, площадь, расстояние, отрезок времени). С начала 14 века известно, как «место», а также «количество или протяженность времени». С середины 14 века как «расстояние, интервал пространства»; с конца 14 века как «земля, территория; расширение в трех измерениях; расстояние между двумя или более точками». (Согласно словарной статье М.М. Маковского пространство является промежуточной зоной между Космосом и Хаосом. По мифологическим представлениям, пространство было создано Божеством «действием раздвижения и передвижения», сутью этих перемещений был «разрыв Хаоса». Были созданы «*три уровня пространства*: Небо, Земля и Преисподняя». Так появились отдельные зоны пространства – Верх и Низ, Правая и Левая стороны, Пространственная Вертикаль и Горизонталь. А также точки их пересечения) [4, с. 349]. С начала 15 века «пространство» употребляется как «размер, объем», а также «назначенная позиция». Типографский смысл засвидетельствован с 1670-х годов (пробел на печатной машинке с 1876 года). Астрономический смысл «звездных глубин, огромной пустоты между мирами» к 1723 году. Космическая эра засвидетельствована с 1946 года. Многие соединения впервые появились в научной фантастике, такие как «spaceship» (космический корабль), 1894; «spacesuit» (скафандр), 1920; «space travel» (космические путешествия), 1931; «space station» (космическая станция), 1936; «spacesman» (космонавт), 1942. «Space race» (Космическая гонка) замечена с 1959 года. «Space Shuttle» (Космический челнок) упомянут в 1970 году.

Таким образом, концепт «Space» на сегодняшний день чаще всего используется в значении космического пространства, территориального и воздушного.

Благодаря толковым словарям приходим к выводу, что «Space» в английском языке имеет следующие значения:

1. an empty area that is available to be used (пустая площадь, доступная для использования);
2. the area around everything that exists, continuing in all directions (область вокруг всего, что существует, и продолжается во всех направлениях);
3. the distance between a football, rugby, etc. player and any opposing players (дистанция между кем-либо или чем-либо);
- «Personal space» (личное пространство);
4. the empty area outside Earth's atmosphere, where the planets and the stars are (космос);
5. A place, particularly a room or a building that can be used for a particular purpose (место, особенно комната или здание, которое можно использовать для определенной цели);
6. Open space-land, especially in a town, that has no buildings on it (большой участок земли, на котором нет зданий);
7. Period of time (период времени);
8. The freedom and the time to think or do what you want to (свобода и время думать или делать то, что ты хочешь);
9. The whole area in which all things exist and move (вся область, в которой все вещи существуют и движутся);
10. An area of business in which a person or an organization operates (область бизнеса, в которой работает человек или организация, сфера деятельности);
11. An empty area that you leave between words, lines, or paragraphs (пустая область, разделяющая слова или строки, пробел);
12. A place on a form where you write something (место в форме, где вы пишете что-то);
13. The area that is available on a computer for storing information (область, которая доступна на компьютере для хранения информации).

Также проанализированы идиомы «**be in a good, bad, dark, etc. space**» (чувствовать что-то счастливое, печальное, взволнованное и т. д.; быть в хорошем, плохом, несчастном) «**Space**» используют для обозначения *положения* или *состояния души*; «**look/stare/gaze into space**» (смотреть прямо перед собой, не глядя на конкретную вещь, обычно потому, что вы думаете о чем-то); «**a waste of space**» (человек, который бесполезен или плох в чем-либо);

Энциклопедические словари раскрывают концепт как

1. time period and its duration;
2. **a:** limited degree in one, two or three dimensions: DISTANCE, AREA, VOLUME;
b: degree installed separately or parking space available;
c: distance from other people or things that a person needs to stay comfortable, invading my personal space;
3. one degree between or above or below the lines of the musical staff;
4. **a:** unlimited three-dimensional degree to which objects and events occur and have relative position and direction, infinite space and time;
b: physical space no matter what it occupies- absolute space;
5. an area outside the earth's atmosphere or outside the solar system;
6. **a:** empty region separating words or lines;
b: material used to create such an empty area, especially: a piece of type less than 1 en wide;
7. a set of mathematical elements and especially abstractions of all points on a line, on a plane or in physical space, especially: a set of mathematical objects with a set of axioms of a geometric nature – compare METRIC SPACE, TOPOLOGICAL SPACE, VECTOR SPACE;
8. broadcast time is available specifically for advertisers;
9. accommodation by public transport;
10. **a:** the ability to freely affirm or test your personality or needs;
b: the possibility of privacy or time for yourself.

Более детальное представление о пространстве раскроет синонимический ряд существительного «*Space*», представленный словами: «*blank*» (пробел, пустота), «*distance*» (дистанция, расстояние), «*infinite*» (масса, бесконечность, множество, бесконечное пространство), «*place*» (место, должность, пост, селение, жилище, город, дом, положение, местоположение, сиденье, резиденция, занятое пространство, местечко), «*zone*» (зона, район, область, участок, пространство), «*area*» (область, район, сфера, регион, зона, участок, площадка, территория, местность, край, площадь, пояс), «*room*» (комната, помещение, зал, пространство, кабинет, палата, отделение, место, номер), «*chamber*» (камера, палата, горница, комната, зал, помещение, полость, покой, барокамера, отсек, патронник, чертог, топка, камора), «*spaciousness*» (вместительность, просторность, простор, пространственность), «*floor*» (этаж, настил, слово, уровень, ярус, дно, днище, перекрытие, настил, площадка, зал), «*void*» (пустота, вакуум, пробел, свободное пространство, полость, пустое пространство, пустое место, пора), «*expanse*» (простор, пространство, расширение, протяжение, ширь, гладь, даль, раздолье) и т. д.

Для определения понятийной составляющей концепта «Пространство» в русском языке были исследованы:

- этимологические словари русского языка (Этимологический словарь Цыганенко, 1970; Этимологический словарь современного русского языка А.К. Шапошникова, 2010; Школьный этимологический словарь русского языка, Н.М. Шанский, Т.А. Боброва, 2004);
- толковые словари русского языка (Ожегов, Шведова, 2008; Ушаков, 2012);
- энциклопедические словари русского языка (Большой энциклопедический словарь, 2012; Брокгауз и Евфрон, 2012; Большая Советская Энциклопедия, А.Д. Александров, 2012; Большой Российский энциклопедический словарь, 2012; Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Ефремовой, 2012; Большой юридический словарь, 2012);

– словари синонимов русского языка (Синонимы русского языка, 2012; Тезаурус русской деловой лексики, 2004).

Первым делом была рассмотрена внутренняя составляющая концепта, обратившись к его происхождению. Шапошников А.К. дает определение «пространству» как «одной из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующейся протяжённостью и объёмом; протяжённости, месту, не ограниченному видимыми пределами; промежутку между чем-л., местом, где что-л. вмещается» [7]. Шанский Н.В. указывает на то, что существительное «пространство» является однокоренным таким словам как – *простор, страна*. Согласно этимологическому словарю Шанского Н.В. имя существительное «пространство» заимствовано из старославянского языка, производное от «*пространый*» и означает «широкий, просторный». В ходе изучения происхождения данного понятия необходимо было обратиться к слову «простирать». В этимологических источниках слово «простирать» имеет значение: «протягивать», «направлять», «расстилать», «протянуть», «разложить», «вытянуть в каком-либо направлении», «стлать», «расширять».

Согласно толковым словарям понятие «Пространство» определяется как *форма материи*, имеющая протяженность и объём; некая *площадь*, имеющая границы (замкнутое, ограниченное пространство) и не имеющая границ (открытое, воздушное пространство); а также *дистанция* между чем-либо или кем-либо; *место, или промежуток*, где что-либо вмещается или может вместиться.

Благодаря анализу энциклопедических статей было выявлено что, это – 1. часть земной атмосферы. 2. «Протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами. Небесное пространство, Воздушное пространство, Степные пространства. На всем пространстве пустыни. Смотреть в пространство (о невидящем, отсутствующем взгляде). 3. Промежуток между чем-н., место, где что-н. вмещается» [6]. 4. расширенный интервал между рядами, характеризующийся единством разрыва и непрерывности [1]. А также мы можем ощущать себя в пространстве, как и пространство в себе.

В ходе исследования имени существительному «пространство» присвоен следующий синонимический ряд: *гаммада, затин, зона, междупутье, место, площадь, подпространство, промежуток, простор, протяженность, эфир, участок, район, область*.

В ходе анализа выявилось использование «Пространства» в других областях науки. Так, например, в юриспруденции – *открытое воздушное пространство*, в астрономии – *космическое пространство*, в математике – *евклидово пространство*, в философии – *реальное пространство*, в языкознании – *языковое пространство*.

ВЫВОДЫ

Анализ концепта «Space» (Пространство) в английском и русском языках показал имеющуюся схожесть толкований. В двух лингвокультурах «Space» (Пространство) имеет значение некоего места, имеющего объём, расстояние и область. Также подразумевает пустоту, дистанцию, космос или космическое пространство, личное пространство, свободное пространство, замкнутое пространство, временное пространство, пустое пространство (на бланке). Общий смысл данный концепт приобретает в том случае, когда пространство было пустым или свободным, или заполнено однородной консистенцией (заполненное пространство, пустовавшее ранее). Также употребление концепта в составе идиом **gaze into space** («уставиться в пространство», «смотреть сквозь пространство», дословно), эквивалент в русском языке представлен идиомой «Смотреть в пространство» (о невидящем, отсутствующем взгляде).

В исследовании были обнаружены следующие лингвокультурные различия концепта «Space» (Пространство): употребление Space в английском языке можно встретить в значении состояния души или положения в обществе, при обозначении технических символов.

В русском же языке Пространство имеет значение чего-то большего, редко употребляется если дистанция или расстояние незначительно. Для этого используют другие существительные: место, зазор, щель, проем, промежуток. В английском же языке Space употребляют и в том и другом случае.

Проведенный анализ сходства и различий показал, что в английском языке выделено 9 значений, не имеющих в русском аналоге. В русском же языке понятие «Пространство» имеет всего 2 отличающихся значения от понятия «Space» в английском. Общих же значений данного концепта 11.

Таким образом, «Space» (Пространство) является необходимым и актуальным концептом в английской и русской лингвокультуре, выполняя функцию обогащения языков и обретая новые значения с развитием космоса и информационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой российский энциклопедический словарь. 2012.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 549 с.
3. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Воронеж, 2001. – 78 с.
4. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка / М.М. Маковский. – Москва, 2000. – 349 с.
5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 42 с.
6. Энциклопедический словарь. 2012.
7. Этимологический словарь современного русского языка А.К. Шапошникова: на основе лексических минимумов и с кириллическими реконструкциями, 2010.

Материал поступил в редакцию 15.09.20

LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPTS OF THE WORDS "SPACE" AND "ПРОСТРАНСТВО" IN ENGLISH AND RUSSIAN

O.A. Radchuk¹, V.K. Aubakirova²

¹ Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages,

² Master's Degree Student

Akhmet Baytursynov Kostanay State University, Kazakhstan

Abstract. *The study of concepts in science allows us to consider the word not only in the context of thinking and speech, but also in culture. A huge number of concepts are being actively studied in cultural linguistics. The concept is studied as a stable linguistic or author's unit, which has a traditional expression in cultural linguistics. This article analyzes the concepts of Space and Пространство in English and Russian linguocultures. The study of the above-mentioned concepts is of interest among researchers, since they include a different range of interpretations of their content. This study makes it possible to analyze the results obtained in the study of the conceptual aspect of the concepts presented in different cultures and, through comparative analysis, to identify their similar and distinctive components. The studied material in the article can be used in lecture courses on lexicology, cultural linguistics and cognitive linguistics.*

Keywords: *concept, conceptual aspect, linguistic and cultural feature, Space.*

УДК 81

**РУССКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ****А.А. Хохлова**, преподаватель
Самарский государственный технический университет, Россия

***Аннотация.** Статья рассматривает изучение речевой коммуникации на материале поэтического языка. Определяется частота употреблений (ipm) лексических единиц, составляющих ядро поля «Общение» в поэтическом языке. В данной работе используется информационно-справочная система Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Сравнивается частота употребления коммуникативной лексики поэтического языка и языка художественной литературы.*

***Ключевые слова:** речевая коммуникация, коммуникативная лексика, частота употреблений, НКРЯ.*

Изучение речевой коммуникации наблюдается в ряде гуманитарных дисциплин – лингвистика, психология, философия. И.А. Стернин отмечает, что «на современном этапе наблюдается интерес к живому языку, функционирующему в реальной коммуникации» и рассматривает языковое сознание как часть сознания, связанного с речевой коммуникацией. Ученый оперирует понятиями «языковое сознание», «коммуникативное сознание», «коммуникативная деятельность». Кроме того, исследователь отмечает, что структура коммуникаций – это набор принятых норм и правил коммуникации [5, с. 13]. О.Я. Гойхман считает речевую коммуникацию и научным направлением, и учебной дисциплиной [2, с. 4]. Среди понятийного аппарата данной проблемы мы встречаем такие понятия как «речевая коммуникация, вербальная коммуникация, речевое общение, вербальное общение, речевая деятельность». В.И. Карасик, разделяя разные виды общения, использует понятия «научная, художественная, философская разновидности коммуникации» [3, с. 25].

В данной статье мы хотим определить, может ли быть поэзия средством коммуникации, ведь материалом поэзии является язык. По словам М.Ю. Лотмана «Поэзия относится к тем сферам искусства, сущность которых не до конца ясна науке» [4, с. 3]. Попробуем рассмотреть поэтический текст как форму речевой коммуникации через монолог, диалог или полилог автора и читателя.

Многие исследователи обращаются к речевой модели Р.О. Якобсона «адресант-адресат», где участников речевого акта связывает поэтический текст или сообщение. С другой стороны, по мнению В.В. Вейдле, Р.О. Якобсон говорит, что в поэзии коммуникативная функция, присущая языку, сводится к минимуму [1, с. 383].

В этой связи обратимся к мысли И.А. Стернина о том, что «Исследование коммуникативных категорий на лингвистическом уровне происходит через описание совокупности языковых единиц, обобщаемых наименованием соответствующих категорий. Например, лексика, обозначающая процесс общения или слова, обозначающие диалог» [5, с. 13].

Попытаемся выяснить, в каком объеме встречается данная лексика в поэтическом

языке. В нашем исследовании, мы обратимся к национальному корпусу русского языка (НКРЯ) и сосредоточимся на поэзии. Обратимся к исследованию М.В. Шамановой, в котором определяется коммуникативная лексика, ее состав, употребление и семантика [7]. По словарям частотных данных на основе НКРЯ под ред. Л.Н. Засориной и нового частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, М.В. Шаманова определяет поле «Общение» в языке художественной литературы [6, с. 284]. Ядро поля составляют:

1) глаголы: говорить, сказать, спросить/спрашивать, ответить/отвечать, рассказать/рассказывать, просить/попросить, требовать/потребовать, объяснять/объяснить, звать/позвать, предложить/предлагать, заявить/заявлять, сообщить/сообщать, согласиться/соглашаться, произнести/произносить

2) существительные: вопрос, разговор, совет, разговор, совет, речь, ответ, рассказ [6, с. 284].

М.В. Шаманова определяет данное поле с уточнением подкорпуса, а именно, «художественные тексты». По частотному словарю абсолютное число употреблений переводится в общепринятую единицу измерения частотности *ipm* (instances per million). В мировой практике число употреблений на миллион слов корпуса упрощает сравнение частоты слова в разных частотных словарях и в разных корпусах.

В данной работе выборка лексем производилась в поэтическом корпусе. В выбранном корпусе пока нет сервиса по построению графика и распределению результатов поиска по годам, он доступен только в основном корпусе. В таблице приведены примеры абсолютного числа употреблений, объема корпуса и *ipm* поля «Общение» М.В. Шамановой в порядке убывания.

Таблица

Лексема	Абсолютное число вхождений	Объем корпуса	<i>ipm</i>
говорить	13 761	12407747	1109,07
звать	5 580	12407747	449,72
речь	5 280	12407747	425,54
просить	3 375	12407747	272,01
спросить	2 099	12407747	169,17
разговор	1 910	12407747	153,94
вопрос	1 692	12407747	136,37
рассказать	1 635	12407747	131,77
ответить	1 617	12407747	130,32
совет	1 445	12407747	116,45
рассказ	1111	12407747	89,54
требовать	836	12407747	67,38
произнести	371	12407747	29,90
согласиться	263	12407747	21,20
предложить	223	12407747	17,97
ответить	153	12407747	12,33
объяснять	149	12407747	12,01
сообщить	66	12407747	5,32
заявить	52	12407747	4,19

Изучение речевой коммуникации является междисциплинарной и многоаспектной исследовательской проблемой. Поэзию можно рассматривать как вид речевой коммуникации, поскольку язык является материалом поэзии. Поэтический язык как форма речевой коммуникации обнаруживает значительный объем коммуникативной лексики в поэзии. Исследование состава, семантики и употребления коммуникативной лексики в русском языке М.В. Шамановой показало, что глаголы преобладают по частоте употребления. Лексемы, как правило, используются в своем прямом значении. Наше исследование поэтического

подкорпуса не выявило значительных отличий в статистике употребления коммуникативной лексики в языке художественной литературы. Использование корпуса национального русского языка дает следующие результаты:

- 1) среди лексем преобладают глаголы;
- 2) в первый десяток по частоте употребления входят те же лексемы, что и при исследовании языка художественной литературы, причем глагол *говорить* так же идет на первом месте;
- 3) некоторые существительные и глаголы, вошедшие в поле «Общение» являются однокоренными словами: *говорить* – *разговор*, *просить* – *спросить* – *вопрос*, *рассказать* – *рассказ*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейдле, В.В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / В.В. Вейдле. – М., Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
2. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М.: Инфра-М, 2008. – 272 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/localtxt/lot/man/lotman_u_m/o_po/etah/i_poe/zii/o_poetah_i_poezii/
5. Стернин, И.А. Язык и национальное сознание. Вып.4 / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 272 с. – Режим доступа: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/langnat/langnat4.pdf>
6. Шаманова, М.В. Коммуникативная лексика русского языка в тексте / М.В. Шаманова // ИСОМ. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-leksika-russkogo-yazyka-v-tekste> (дата обращения: 05.09.2020).
7. Шаманова, М.В. Русская коммуникативная лексика: состав, семантика, употребление: монография. Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова / М.В. Шаманова. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 292 с.
8. URL <http://www.ruscorpora.ru/>

Материал поступил в редакцию 20.10.20

RUSSIAN POETRY AS A SOURCE FOR STUDYING SPEECH COMMUNICATION

A.A. Khokhlova, Lecturer
Samara State Technical University, Russia

Abstract. *The article deals with the study of speech communication on the material of poetic language. The frequency of use (ipm) of lexical units that make up the core of the field “Communication” of poetic language is determined. The information and reference system of the National Corps of the Russian language is used in this work. The frequency of use of communicative vocabulary of poetic language and the language of fiction is compared.*

Keywords: *communication, communicative vocabulary, ipm, National Corps of the Russian language.*

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 6 (30), ноябрь / 2020

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»

Адрес типографии:

Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель (Издатель): ООО Издательство «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Подписано в печать 18.11.2020 г. Дата выхода в свет: 25.11.2020 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 41. Свободная цена. Тираж 100.